

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ»

И.М. ТАРАКАНОВА

**ДИМИНУТИВЫ
В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ**

Министерство образования и науки Республики Хакасия
Государственное бюджетное научно-исследовательское
учреждение
«Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории»

И.М. ТАРАКАНОВА

ДИМИНУТИВЫ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

АБАКАН
Сервисный пункт
2011

УДК 811.512.153

ББК 81.2 Хак-2

Т 19

*Утверждено к печати
Учёным советом Хакасского научно-исследовательского
института языка, литературы и истории*

Ответственный редактор:
кандидат филологических наук Р.Д. Сунчугашев

Рецензенты:
кандидат филологических наук О.Д. Абумова;
кандидат филологических наук В.В. Субракова

Т 19 **Тараканова (Чебочакова) И.М.**

Диминутивы в хакасском языке. Абакан: Изд-во ООО «Сервисный пункт», 2011. – 116 с.

Книга посвящена описанию функционирования диминутивов в хакасском языке. Впервые в хакасском языкознании слова с уменьшительно-ласкательным значением рассматриваются в системном плане. Выявляются особенности их использования в хакасской речи.

Монография предназначена для тюркологов, специалистов в области сравнительного языкознания, преподавателей, учителей, студентов.

ISBN 978-5-906247-01-8

УДК 811.512.153

ББК 81.2 Хак-2

ISBN 978-5-906247-01-8

© Тараканова (Чебочакова) И.М., автор,
2011

© Государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», 2011

ВВЕДЕНИЕ

Явления словообразования в тюркских языках изучены неравномерно и не в полном объеме, несмотря на всю его важность и значимость для их грамматики, лексикологии и истории. Функционирование же единиц словообразовательных систем тюркских языков Сибири в речи не исследовано совсем.

В работе рассматриваются структурные и семантические особенности диминутивов в хакасском языке, реализующиеся в речи.

Объектом анализа выступают диминутивы, основным значением которых признается свойство «быть меньшего размера по сравнению с обычным для объектов данного типа» [Спиридонова 1999, 13]. Материал для анализа был взят как из лексикографических источников, так и из текстов на хакасском языке.

Автор исходит из получившего распространение в лингвистике мнения о том, что диминутивы являются представителями семантической категории диминутивности, по этой причине в данном исследовании рассматриваются и общие вопросы, связанные с выделением семантических категорий. Выявляется полный инвентарь диминутивных аффиксов в хакасском языке, являющихся грамматическими средствами выражения вышеуказанной категории, описываются закономерности син-

хронного функционирования диминутивов с учетом типов речевых ситуаций.

Южная Сибирь является поликультурным регионом, издавна взаимодействовавшим с Центральной и Средней Азией. Изучение функционирования диминутивов путем привлечения дискурса своевременно с позиций современной антропоцентрической парадигмы, поскольку категория диминутивности является важнейшим элементом культуры в тюркских языках.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые выявляются все аффиксальные средства передачи семантики диминутивности, рассматривается функционирование уменьшительных слов в текстах на хакасском языке.

ГЛАВА 1.

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Диминутивы (вариант – *деминутивы*), как уже отмечалось ранее, относятся к малоизученным объектам в тюркологии, как, впрочем, и в лингвистике вообще.

Долгое время рассматривались отдельно только такие средства выражения значения диминутивности, как аффиксы. Сама категория диминутивности как самостоятельная в отечественной лингвистике начинает рассматриваться относительно недавно. Появляются работы, посвященные особенностям этой категории, построенные на материале малоизученных языков народов России, например, в 2007 г. О.Н. Долозовой защищена кандидатская диссертация «Формальные и функционально-семантические особенности категории диминутивности (на материале ительменского языка)».

Диминутивы входят в категорию диминутивности (*мензуратив*, по терминологии И.А. Мельчука). Терминологическое сочетание «категория диминутивности» понимается в современной лингвистике как «сложная семантическая категория, связанная с языковым представлением количественной характеристики предметов, свойств, явлений» [Долозова 2006, 3].

Диминутивность является составной частью категории количества, в основе которой лежит представление о предмете и его свойствах, меньших номинирующей нормы.

Рассмотрим историю изучения вопроса и общие понятия, связанные с темой нашего исследования.

1. Изучение диминутивов в тюркологии

Вопрос о статусе диминутивов и грамматических средств выражения значения уменьшительности в тюркологии долгое время не был решен. Приведем бытующие в специальной литературе наименования для одних и тех же явлений: *слова / имена с уменьшительным / ласкательным значением, уменьшительные слова, имена существительные субъективной оценки, формы субъективной оценки, модальные формы имен.*

В грамматиках тюркских языков и отдельных трудах нашло отражение мнение В.В. Виноградова о характере уменьшительных аффиксов. Он считал их формообразовательными, но оговаривал, что формы субъективной оценки имен существительных занимают промежуточное, переходное положение между формами слова и разными словами: «При их посредстве выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок» [Виноградов 1947, 113].

Отнесение диминутивных аффиксов к формообразующим основано, по мнению ученых, на том факте, что они не образуют новых слов, а «лишь прибавляют к нему добавочные смысловые оттенки» [Икрамова 1967, 5]; «уменьшительно-ласкательные формы являются таким изменением формы, благодаря которому к лексическому значению добавляются модальные смысловые оттенки, выражающие уменьшительность, ласкательность, любовь, уважение, почитание, шутливость, скромность (самоуничижение) и т.п.» [Усманов 1964, 105].

В «Грамматике хакасского языка» рассматриваемые единицы включены в главу «Аффиксы словообразования имен существительных» со следующей оговоркой: «Кроме словообразовательных аффиксов имена существительные имеют формообразовательные аффиксы. Это, прежде всего, аффиксы с уменьшительным и ласкательным значением. Их в хакасском языке немного» [ГХЯ, 60]. Здесь приведено в общем 19 примеров на 3 аффикса.

В тюркологической литературе уменьшительные аффиксы рассматриваются в основном со стороны формальной, частично с перечислением передаваемых оттенков значений. Приведем примеры.

В грамматике И. Гиганова, выпущенной в 1801 г., отмечаются три возможности изменения семантики слов путем приращения уменьшительных аффиксов (*сохранена авторская пунктуация*): «Имена существительныя уменьшительныя принимают наращение *цык*: *китабцык* ‘книжка’, *китаб* ‘книга’. Из сих же самых уменьшительных еще делаются умалительныя, прилагая к оным на-

ращение напр., *китабцыгац* ... Уменьшительные изъявляющие почтение принимают наращение: *калям гина перышко*» [1801, 37-38]. Таким образом, И. Гиганов выделяет у рассматриваемых слов семантику уменьшительности, уничижительности, почтительности и отмечает возможность элемента *гина* присоединяться как к существительным, так и к прилагательным.

Способность рассматриваемых аффиксов выражать объективную малую характеристику объекта и передавать почтительное отношение отмечалась и в других ранних тюркологических работах: «*Шык (шик, шук, шек, шеек, шак)*, придает именам уменьшительное значение, напр., *кап* 'мешок' *капшык* 'мешочек', *ей* 'дом' *ейшек* 'домик' ... В собственных именах мужчин для выражения особенного уважения и ласки делается большое сокращение и часто остается только первый слог с прибавлением к нему *еке*, напр., *Баймухаммед* – *Байеке*, *Алжан* – *Алеке*» [Грамматика киргизского языка 1897, 14].

В большей части работ тюркологами выделялось 2 типа значений, передаваемых диминутивными аффиксами: собственно уменьшительное и ласкательное, например, в трудах Г.Ф. Бабушкина [1940, 104], Н.П. Дыренковой [1940, 48-49], А.Н. Кононова [1948, 197; 1960, 72], Н.А. Баскакова [1966, 35; 1972, 41], К. Дыйканова [1955, 54] и др.

Относительно места диминутивов в системе языка в тюркологии имеются такие точки зрения:

1. Не отрицается их словообразовательный характер, они включены в параграфы, посвященные словооб-

разованию имен, но статус их не определен (А.Н. Кононов, Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, Э.В. Севортян).

2. Поскольку диминутивы не входят в какие-либо парадигмы, выражая субъективную оценку, они относятся к зоне формообразования, переходной между словоизменением и словообразованием, (Р. Икрамова, Г.И. Маманова, Л.А. Покровская).

3. Являются промежуточными единицами, располагаясь «на границе словообразования и словоизменения» (А.М. Щербак).

Таким образом, в трактовке грамматического статуса рассматриваемых единиц у учёных нет единства. Рассматриваемые показатели представлены как аффиксы субъективной оценки, которые «выражают различные оттенки отношения — уменьшительности, уменьшительно-ласкательности, умиления, любовно-ласкательного отношения, уважения, почтения, и, наоборот, уничижительности, насмешливости, язвительности, колкости, иронии; значения обособления и выделения предметов (или лица) из общего ряда одинаковых предметов (или лиц), значения разделительности, сведения предметов в отдельные группы; значения сомнения, предположения, приблизительности; наконец, оттенков подчеркивания, усилительности» [Икрамова 1967, 3].

Приведем в этой связи указание А.Б. Пеньковского на «широкий разброс предлагаемых классификационных решений, каждое из которых формулируется категорически-аподиктическим образом, без каких бы то ни было аргументов и обоснований, не говоря уже об обращении

к опыту предшественников и анализе иных точек зрения» [2004, 41]. Он отмечает, что в сферу субъективной оценки следует относить только пренебрежительность и уничижительность. Базой этой субъективности являются не «реальные физические, а идеально-ментальные действия: не уменьшение и увеличение, а умаление (приуменьшение) и преувеличение, то есть действия по соответствующим глаголам – «представить что-либо (роль, значение, смысл, ценность) в меньших/больших (чрезмерно уменьшенных/увеличенных) по сравнению с действительностью размерах». Это именно те ментальные действия, которые лежат в основе особого – тимиологического – ранжирования элементов универсума по степени их важности, ценности и значительности» [Пеньковский 2004, 42]. Ласкательность не является оценкой, так как представляет собой лишь экспрессивное отношение, складывающееся на базе субъективной оценки [Там же, 42].

В трудах, посвященных словообразованию и морфологии тюркских языков, также рассматривались структура и этимология диминутивных аффиксов [Кононов 1948, 197; 1960. 72; ГТЯ 1961, 147; Севортян 1966, 98-122; Эрдал 1991, 39-56].

Способность диминутивных показателей выражать усилительно-ласкательное значение отмечалась Г.Ф. Бабушкиным [1940, 104], Е.И. Убрятовой [2006, 262].

О лексико-грамматической сочетаемости производящих основ и уменьшительных аффиксов говорилось в трудах А.Н. Кононова [1948; 1960], Е.И. Убрятовой

[2006, 255-265], К. Дыйканова [1955, 54], Ф.Г. Исхакова, А.А. Гальмбаха [1961, 147], А. Мурадова [1975].

Н.К. Дмитриевым отмечена роль уменьшительно-ласкательных имен как «заполнителей лишних слогов» в народных песнях [1948, 70].

Как строительные элементы тюркских антропонимов уменьшительные показатели проанализированы в трудах Г.Ф. Саттарова, Х.Ф. Исхаковой [2000, 21], С.П. Тимошиной [1980].

В работе Л.В. Дмитриевой «Этюды по тюркскому словообразованию», построенной на материале тюркской растительной лексики, также рассмотрены и диминутивные аффиксы с их параллелями в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [1977, 61-73].

Мы, вслед за Э.В. Севортьяном, М. Эрдалом и другими учеными, относим диминутивы к фактам словообразования, имеющим специфику в плане их речевого употребления. Включение большого количества примеров в работу призвано показать их роль в построении речи хакасов, особенности их контекстуально обусловленных значений.

1.2. Понятийная категория

Понятие «семантическая категория» в лингвистике исторически тесно связано с понятием «понятийная категория».

В разработке учения о понятийных категориях большую роль сыграли труды О. Есперсена. Он первым ввел в научный оборот термин «понятийная категория», отождествляя понятийные категории с логическими. По словам О. Есперсена, кроме языковых, «имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие — к умственной деятельности или к логике. Эти категории получили название «понятийные». Задача грамматиста состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае разобраться в соотношении, существующем между понятийной и языковыми категориями» [1958, 58].

Проблема понятийных категорий в отечественной лингвистике впервые разрабатывалась И.И. Мещаниновым. Анализ материала малоизученных языков Сибири приводит его к созданию теории понятийных категорий, которые «выступают непосредственными выразителями норм сознания в самом языковом строе. Они служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем челове-

ского мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» [1945, 15].

К понятийным категориям, общим для разных языков, И.И. Мещанинов относил предметность и предикативность, субъект и объект, атрибутивность, модальность, а также количество и качество.

Более определенно смысловая структура понятийной категории выделяется в ее сопоставлении с терминами «грамматическое понятие» и «грамматическая категория»: различия в реализации понятийных категорий, проявляющиеся в индивидуальных чертах грамматического строя отдельных языков, моделируются в противопоставлении понятийной категории грамматическому понятию и грамматической категории [Гухман 1985, 7]. И.И. Мещанинов писал: «Как при изучении каждого языка в отдельности, так и при обзоре членов предложения и частей речи в разрезе межъязыковых сопоставлений, особое внимание обращается на их действующие грамматические категории. Они служат прекрасным подспорьем при исследовании языковой структуры вообще и при установлении особенностей всякой отдельной привлекаемой системы языка» [1945, 194].

Как отметила М.М. Гухман, в разработанной И.И. Мещаниновым теории стержневым остается выделение понятийной категории по отношению к грамматическому понятию и грамматической категории [1985, 10].

Кроме трудов И.И. Мещанинова, понятийной проблематике в отечественном языкознании посвящены работы таких ученых, как С.Д. Кацнельсон, В.Н. Ярцева, М.М. Гухман и др.

1.3. Функционально-семантическое поле

Интересную концепцию разрабатывают А.В. Бондарко и его последователи – теорию функциональной грамматики (ТФГ). В широком смысле слова ТФГ соответствует целому набору явлений, устроенных по полемому принципу: с отчетливо просматривающимся ядром и все более размывающейся периферией.

Согласно этой теории, понятийные категории охватываются понятийными полями, которые относятся к уровню мыслительного содержания, противопоставляясь языковым семантическим функциям и функционально-семантическим полям. Они относятся к уровню языкового содержания.

Важным является понятие **функционально-семантического поля**, которое понимается как двустороннее единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими средствами) данного языка вместе со взаимодействующими с ними лексическими, словообразовательными и другими элементами, относящимися к той же самой зоне: «Функционально-семантическое поле – это базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строєвых» лексических единиц, а также различных комбинированных средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 1987, 11].

Функционально-семантическое поле характеризуется грамматикализированным **центром, ядром** вокруг центра и **периферийной частью**.

Поскольку в рамках языковой системы функционально-семантических полей образуются единства, А.В. Бондарко выделяет четыре группировки: 1) с предикативным ядром, куда входит блок аспектуальных, темпоральных, модальных, персональных и других значений; 2) с субъектно-объектным ядром; 3) с качественно-количественным ядром; 4) с обстоятельственным ядром. Эта категоризация отражает системные и функциональные связи категориальных смыслов, а через них – и формальных средств представления. В самой классификации отражаются, естественно, различные уровни абстрагирования языковой и внеязыковой семантики.

Особенностью ТФГ является непривязанность к тому или иному каноническому языковому уровню. Таким образом, доминантой при выделении категорий является прежде всего семантическая категория. Она формирует функционально-семантическое поле путем гетерогенных по уровневой принадлежности единиц.

1.4. Категория количества

Анализ исторического развития языковых явлений убедительно свидетельствует, что языковые значения формулируются как отражение объективной действи-

тельности в процессе познавательной деятельности человека.

Мыслительная категория количества, как и категория качества, есть отражение одного из наиболее общих свойств самого бытия, каковым наряду с качественными является его количественная определенность [ФЭС, 263]. Более детальное представление о разработке понятия «количество» в науке можно получить, ознакомившись с монографией В.Н. Ефимова «Определение качества и количества как системы дефиниций» [1984].

Еще Аристотель дал следующее определение количеству, ставшее традиционным: «Количеством называется то, что делимо на составные части, каждая из которых, будет ли их две или больше, есть по природе что-то одно и определенное нечто. Всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина – если измеримо» [Аристотель 1975, 71].

В лингвистике категория количества определяется как «выражающая внешнее формальное взаимоотношение предметов или их частей, а также свойств: их величину, число, степень проявления того или иного свойства» [БЭСЯ, 420].

Заслуживает внимания взгляд на природу количества И.А. Бодуэна де Куртенэ, который понимал под количеством целый комплекс представлений. Количественность, по его мнению, включает в себя следующие компоненты:

- 1) количественность размерная, количественность пространственная с дальнейшим подразделением;

2) количественность времени, длительность протекания некоторого процесса;

3) количественность числовая, относящаяся одинаково как к пространству, так и ко времени;

4) количественность интенсивности, степени» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 313].

Категория количества получила свое выражение разнообразными грамматическими и лексическими средствами во всех современных языках. К таковым, например, относятся числительные, количественные наречия, существительные, выражающие уменьшительность и увеличительность, параметрические прилагательные и комплексные средства выражения количества (сочетания прилагательного и существительного, числительного и существительного).

Данный выше далеко не полный обзор многообразных способов выражения категории количества в языке показывает, что она пронизывает всю систему языка: и его лексику, и его грамматику.

Следует сказать, что в тюркских языках не сложилось грамматической противопоставленности значений уменьшительности-увеличительности. Значение увеличительности выражается при помощи таких средств, как редупликация (полная и частичная) и сочетания прилагательного с существительным¹. Эта черта тюркских языков проявляется и в процессе заимствования. Вот что

¹ В русском языке, например, наряду с аффиксами уменьшительности есть аффиксы с увеличительным значением (ср.: *бабонька* – *бабища*, *стульчик* – *стулище*).

отмечает по этому поводу Е.И. Убрятова: «Факт отсутствия таких аффиксов в якутском языке интересен еще и потому, что в тунгусо-маньчжурских языках, из которых якутский язык заимствовал несколько уменьшительно-ласкательных аффиксов, таких аффиксов много. Здесь опять же хорошо видно, что именно заимствуется языком из другого языка. В самом деле, уменьшительно-ласкательных аффиксов в тюркских языках много. Почти все они представлены и в якутском языке, и к ним еще были добавлены аналогичные аффиксы из тунгусо-маньчжурских языков, так как это отвечало внутренней линии развития якутского языка. Напротив, увеличительно-пренебрежительные аффиксы не характерны для тюркских языков. И якутский язык ничего не впитал в себя из многочисленных увеличительно-уничижительных аффиксов эвенкийского языка» [Убрятова 2006, 264].

1.5. Значение уменьшительности и средства его выражения: общая характеристика

При выделении единиц, включающихся в категорию диминутивности, для нас ведущим принципом является семантический.

Согласно получившему распространение в лингвистике мнению, денотативной семантикой диминутивов является значение уменьшительности. «According to them (Dressler and Merlini Barbaresi), the denotative se-

mantics of diminutives can be derived from the basic concept of smallness (1994, p. 116), but the general morpho-pragmatic meaning of diminutives is [non-serious], which is metaphorically related to smallness» [Laalo 2001, 71].

Исследователями предлагалась такая эволюция рассматриваемых значений: 1) собственно диминутивность (буквальное значение, указывающее на малость (величину, размер) определяемого объекта относительно какого-то эталона (*дом* – *домик*); 2) ласкательное (но и пренебрежительное) – метафорическое (экспрессивное) значение «1-й степени» (*домик-крошечка*); 3) «этикетное» (условно, пожалуйста-диминутив) – метафорическое (экспрессивное) значение «2-й степени» (*запишите телефончик*) [Цивьян 2006, 221].

Языковое значение уменьшительности, так как оно обусловлено некоторыми общими свойствами человеческого мышления, а именно, наличием представлений о малой величине предметов, присуще всем языкам независимо от их типологических различий. Но между языками обнаруживаются определенные различия в объеме и способах выражения этого значения. Значение уменьшительности в сфере имен в основном выражается при помощи суффиксов, а также префиксов (в африканских языках): «рус. *заяц* – *зайч*=ик; итал. *il gatto* ‘кот’ – *il gatt* = *in* = *o* ‘котик’, новогреч. *stavros* ‘крест’ – *stavr*=*ak*=*i* ‘крестик’, *добрый* – *добр*=*еньк*=*ий* ... *m*=*buzi* ‘коза обычных размеров’ – *ki*=*buzi* ‘козочка’, *m*=*tu* ‘человек обычных размеров’ – *ki*=*tu* ‘ребенок’ (суахили)» [krugosvet.ru]. Также могут использоваться и аналитиче-

ские средства, например, в якутском языке есть специальные слова *оҕо* 'дитя', *сыыс* 'соринка', которые Е.И. Убрятова называет служебными словами, выражающими уменьшительное значение: *сурук оҕото* 'письмецо' (*сурук* 'письмо'), *маамам оҕото* 'мамочка', *сутурук сыыһа* 'кулачок', *кыыһым сыыһа* 'доченька моя' [1972, 579]; «*Куттаммыт харахтаах кулунчук оҕото хонуунан туотайа сизлиэҕэ* (КУ С, с. 49) – С испуганными глазами жеребеночек (досл. 'дитя жеребеночка', что выражает степень уменьшения) по поляне неуклюже [так, что бросаются в глаза его длинные тонкие ноги и короткий хвост] побежит рысью» [Убрятова 2006, 29]. В этом языке имеются также и глагольные аффиксальные средства выражения уменьшительного значения, что отличает его от других тюркских языков. Пример: «*олорбута* 'жила', *олороохтообута* 'жила маленькая' (или 'такая-сякая', в зависимости от контекста)» [Убрятова 2006, 266; см. также: Ястремский 1938, 116; Петров 1982, 37].

В современном хакасском языке выделяются три продуктивных диминутивных аффикса: *=чax*, *=ax*, *=ac*, которые присоединяются к основам существительных, прилагательных и наречий. Их можно считать ядерными средствами выражения значения уменьшительности. Также в структуре некоторых производных слов можно выделить и другие, малочастотные показатели с семантикой диминутивности. Подробнее о них будет сказано в параграфе, посвященном образованию диминутивов.

1.5.1. О трансформациях значения уменьшительности

Рассмотрим, какие семантические разряды слов в тюркских языках пополнялись словами со значением уменьшительности.

Диминутивы использовались для выражения значения женскости (например, в узбекском языке). Как пишет А.Н. Кононов, «это явление непродуктивное, имевшее место лишь в наименованиях женщин, как правило представительниц феодальной верхушки, а также в терминах родства, с одной стороны, и в названиях некоторых хозяйственно-эксплуатируемых животных – с другой» [ГСУЛЯ, 77]. При этом используются уменьшительные аффиксы =им (хоним ‘ханша’, ‘госпожа’ от хон ‘хан’), =ча (бичча > бича || бека ~ бика ~ бийка ‘жена’ ~ ‘дочь бска’, бича || бойбика ‘жена бая’ от бой ‘бай’), =чи (ачи ‘старшая сестра’ (эга ~ ака ‘старший брат’), =(а)ч (бекач || бикач ‘дочь бека’, ‘госпожа’ – почтительное обращение к женщине) [ГСУЛЯ, 75]. В хакасском языке такое явление не отмечается.

Уменьшительные слова пополняли имена со значением незрелости: хак. оолах ‘мальчик’ (оол ‘парень’), хызычах ‘девочка’ (хыс ‘девушка’), пуҕацах ‘молодой бык’ (пуҕа ‘бык’), абацах ‘медвежонок’ (аба ‘медведь’), сортанах ‘малек шуки’ (сортан ‘щука’), асхырах ‘жеребчик, жеребенок’ (асхыр ‘жеребец’), ср.: кирг. букачар ‘бычок’ (бука ‘бык’), текечер ‘козлик’ (теке ‘козел’) [Дыйканов 1955, 54].

Как пишет А.М. Щербак, «использование аффиксов уменьшительности-ласкательности в словообразовательной функции в последнее время получило особую семантическую направленность, ср., например, обозначение при помощи этих аффиксов молодняка животных» [1977, 105].

Диминутивы используются также для выражения значения усилительности, например, якутоведами отмечается, что аффикс =ка, присоединяясь к некоторым именам, «придает им, наоборот, усилительный оттенок значения»: *сорука* 'тяжкая мука' (*сор* 'мука, страдание'), *тымныыката бэрт* 'ужасный холод' ('темный холод', 'холодный', 'холодно') [ГСЯЛЯ, 112].

1.5.2. Сочетаемость диминутивных аффиксов с производящими основами

Образование диминутивов в хакасском языке, как и в других языках, не носит тотального характера, есть ограничения на лексическую сочетаемость корня и аффикса. К примеру, нам не встретились в текстах диминутивы, образованные от основ имен действий, собирательных.

Если лексическое значение производящего прилагательного, наречия или существительного содержит сему малости, ослабления качества, количества, то оно часто оформляется диминутивным аффиксом. Приведем при-

мелкий: *тобын* 'комар' и *тобынах*, *тан* 'легкий ветер' и *таныцах*, *хулун* 'жеребенок' и *хулунах*, *кўске* 'мышь' и *кўскечек*, *ас* 'мало' и *асхынах*, саг. *асхынцах*, *агырин* 'медленно', 'тихо' и *агыринча*, *агыринцах*, *кiчiг* 'маленький, небольшой (по размеру)', 'младший, детский, младенческий, юный' и *кiчичек*, *тайыс* 'мель', 'мелкий (о реке)', 'неглубоко' и *тайызах*, *тар* 'тесный, узкий', 'тесно, узко' и *таргынах*, *оох* 'мелкий', 'малый; маленький' и *оогас*, *нымзах* 'мягкий, пышный', 'мягко, пышно' и *нымзагас*, *ниик* 'лёгкий, не тяжёлый', 'лёгкий, нетрудный' и *ниигес*.

В сочетании с диминутивными показателями часто представлены термины родства. Как писал Э.В. Севортин, участие аффиксов уменьшительности в формальных модификациях терминов родства — распространенное явление, однако в большинстве случаев названные аффиксы применяются в значении не уменьшительности, а ласкательности [ЭСТЯ 1974, 224]. Он же отметил, что при обращениях к младшим по возрасту родственникам в тюркских языках выступают одновременно и ласкательные, и притяжательные аффиксы 1-го лица единственного числа [1955, 333].

Используясь в качестве вокативов, диминутивные термины родства с притяжательными аффиксами 1-го лица единственного числа показывают включенность слушающего в личную сферу говорящего: «именно он (=субъект “в роли говорящего”) дихотомически делит пространство (реальное и метафорическое) на близкое (к самому себе как точке отсчета) и далекое; в другой

кодовой системе и в определенных ситуациях / контекстах это деление на свое и чужое» [Цивьян 2006, 222].

В хакасских текстах часто встречаются диминутивы в роли обращений в сочетании с аффиксами принадлежности. Это подтверждает мнение Н.К. Дмитриева о способности аффиксов категории принадлежности выражать эмоциональность: «Форма 1-го лица ед.ч. в составе ласкательных и уменьшительных слов уже не обозначает конкретную принадлежность, а выражает ласковое обращение: ... *йоракэйем* ‘сердечко мое’, *туганым* ‘родной мой’ и т.п. Некоторые из таких словоформ лексикализуются и без аффиксов принадлежности в данном значении уже не употребляются: *аппагым* букв.: ‘беленький мой’ (ласк.)» [Дмитриев 1956, 34]. А.А. Юлдашев отмечал, что аффикс 1-го лица единственного числа передает «выражение эмоциональности, импульсивности, словом, естественной или намеренной экспрессии», используется для выражения расположения, близости, уважения говорящего к адресату [1955, 332-333].

В хакасском языке в качестве обращений, кроме терминов родства, используются такие слова, как *иркем/икам* ‘мой нежный, ласковый’, ‘мой милый’, *айкүнім* ‘свет мой’ (*ай* ‘луна’, *күн* ‘солнце’), *иркем-кинчím* ‘душа моя, дорогой мой, дитя моё’ (обращение к младшему по возрасту, слово *кинчím* синхронно самостоятельно не употребляется, сопоставимо с турецким словом *genç* ‘молодой’), *адайаам* кыз. эвфемистическое ‘дитя мое’ (букв. ‘собачка моя’), *көкей* (ласковое обращение к ребенку), *көөленгенím* ‘мой милый // моя милая, люби-

мый // любимая'), а также некоторые другие, например, термины родства. Приведем примеры:

— *‘Че, анымчох, иркем... Хазых чөрчет. Мин пудургы ханамаларны парып таап көримдек, — тiп, адын тибiредiбiскен¹ (ХЧ, 11) — Ну, до свидания, милый мой... Будь здоров. Я поеду, попробую поискать давешних гадов, — сказал, тронулся. — Истiмнең сыххан иркесем, iчеңнi ногa тастадың? Паарымнаң сыххан палчаам, пабаңны ногa халғыстың? (ХЧ, 230) — Милешкий мой, появившийся из нутра моего, почему ты бросил свою мать? Ребеночек мой, появившийся из пещени, почему оставил своего отца? — Астаң минде астабас, ай-күнiм (ХЧ, 228) — Голодать у меня не будет, свет мой.*

Таким образом, диминутивные показатели выступают как средство передачи значений собственно уменьшительности и других производных значений. В хакасском языке представлено три продуктивных диминутивных аффикса: =чax, =ax, =ac, присоединяющихся к основам существительных, прилагательных и наречий. Их присоединение обусловлено как морфонологически, так и семантически. Использование аффиксов уменьшительности в словообразовательной функции получило особую семантическую направленность, являясь средством выражения значения невзрослости и некоторых других значений.

¹ Здесь и далее в примерах сохраняется пунктуация источника.

1.6. Диминутивы, построенные посредством переносов

Отдельный случай представляют собой слова с уменьшительными аффиксами, в основе образования которых лежит семантический перенос.

Э.В. Севортян писал, что в тюркских языках «значение уменьшительности довольно легко видоизменяется и нередко далеко отходит от исходного значения. Как правило, это бывает в тех случаях, когда наречение реалии было произведено на основе уподобления. В таких случаях возможность видоизменения значения возникает уже в самом начале, когда внутренняя форма имеет не понятийное, а, скорее, зрительно-образное содержание, и когда, следовательно, обозначение с первого момента носит переносный характер» [1966, 108].

М. Эрдал пишет о необходимости разграничивать прагматическое и семантическое словообразование. Первое связано с особенностями употребления производных слов в условиях речевого акта: «Могло быть только живой задачей аффикса =*ç* показать, что говорящий испытывает любовь и заботу по отношению к персоне, которой был адресован референциальный термин, маркированный этим суффиксом», «когда используется =*qîna*, говорящий намеревается показать, какой маленькой и сладкой, крошечной, и/или маленькой, следовательно, нуждающейся в защите, и т.д., он находит вещь, к которой отсылает» [Erdal 1991, 39].

Словообразование второго вида связано с таким семантическим явлением, как перенос, то есть диминутивы, произведенные этим путем, маркируют не объективную небольшую величину объекта, а обозначают, накладывают другой предмет, который своими характеристиками в чем-то схож с исходным предметом. В древнетюркском языке именно диминутивы с *=aq*, как отмечает М. Эрдал, чаще использовались в этих целях: «Аффикс *=aq* часто использовался метафорически, когда названия объектов производились от названий других, подобных им в чем-то. *Kaaraq* ‘тыква’ произведено от *kaar* ‘винный бурдюк, контейнер’. *Başaq* от *baş* ‘голова; начало’ обозначает железную головку стрелы или копья в древнетюркском языке, но кукурузный початок в среднетюркском. *Şanaq* ‘маленькая чаша’ происходит от китайского *zhan* ‘чаша’» [1991, 41].

В качестве иллюстрации приведем материал, данный Л. В. Дмитриевой в статье «Этюды по тюркскому словообразованию» [1977]. Она рассмотрела производные наименования растений, синхронно нечленимые. Группу фитошимов исторически пополняли и уменьшительные наименования: тат. *күзчәк* ‘глазок клубня’ < *күз* ‘глаз’, кумык. *қылчық* ‘усик (колоса)’ < *қыл* ‘волос’, тув. *түбчүк* ‘пень’ < *түп* ‘дно, низ’, тур. *қызылчық* ‘кизил’ < *қызыл* ‘красный’, тат. диал. *йишилчә* ‘овощи’ < *йишил* ‘зеленый’, кирг. *қызылча* ‘свекла’ < *қызыл* ‘красный’ ... азерб. *özək* ‘сердцевина (дерева)’, ‘стебель’, ‘ствол’, ‘мякоть (овощей)’, ‘семечко’, ‘ядро (ореха)’, ‘зерно’ < *öz* ‘сердцевина’, башк. *ашық* ‘желудь’ < *аш* ‘пища’, ‘плод’,

каз. *сапақ* 'стебель, черенок' < *сап* 'ручка', 'рукоятка', 'черенок', 'стебель', туркм. *сазақ* 'багульник' < *саз* 'болото', башк. *башақ* 'колос' < *баш* 'голова', 'верхушка' ... хак. *өзен* 'ствол', 'стебель' < *өз* 'сердцевина' ... як *өлөн* ~ *өлен* 'трава', 'сочное растение' < *өл* 'мокрый' ... башк. диал. *башай* 'колос' < *баш* 'голова'.

В отыменных фитонимах подавляющее большинство аффиксов – это форманты с уменьшительным значением (6). Они были использованы в процессе номинации объектов окружающей действительности носителями языка для передачи значения подобия, сходства (по внешнему виду, особенностям строения – с окружающими предметами и явлениями, особенно – с человеком или животным).

Собранный нами материал также позволяет выделить производные единицы с уменьшительными аффиксами, которые были построены посредством переносов. Названия объектам были даны на основе внешней схожести («похожий на X внешне, напоминающий X»), функциональной схожести («похожий на X по выполняемым функциям»), смежности в пространстве («находящийся близко к X»), а также передачи отношения «часть-целое».

1. «Похожий на X, напоминающий X»

К словам, образованным по данной модели, можно отнести следующие: *турацах* 'кукольный домик' ← *тура* 'дом', *кирпечек* 'надгробие (сруб, иногда в виде до-

мика) ← *кирие* ‘утепленный телятник, курятник’, *пазах* ‘колюс’ ← *пас* ‘голова’, *унах* ‘порошок’, ‘крошка’ ← *ун* ‘мука’, *уунчек* ‘кучка’ ← *уун* ‘стог’, *туунчек* ‘узел, узелок’ ← *туун* ‘рулон, тюк, связка’, *чолах* ‘полоса’, ‘русло (речки, ручья)’ ← *чол* ‘дорога’, *игирек* ‘зигзаг, ломаная линия’ ← *игир* ‘кривой, изогнутый’, ‘извилистый’, *хабых* ‘скорлупа’, ‘веко’ ← *хап* ‘мешок’, *артас* ‘водопад’, ‘подъемы и спуски на дороге’, ‘ухабы’ ← *арт* ‘перевал’, *чачах* ‘кисточка из ниток’, ср. кач. *чач* ‘волосы’. Приведем еще примеры, данные Э.В. Севортяном: *наах* ‘щека’ от *нан* ‘бок’, *пилек* ‘запястье’ от *пил* ‘спина’ [Севортян 1966, 166-167]¹.

Отдельно остановимся на обозначении зрачка *олганах* от *олганах* ‘ребенок’. Наименование зрачка является типологической закономерностью, «во многих языках, в том числе в 20 очень далеких неиндоевропейских (например, в суахили, саами, китайском, японском, коми, самоанском, древнеегипетском, древнееврейском), и также во многих индоевропейских обозначение зрачка происходит к слову со значением ‘человечек’ или ‘женщина, девочка’, ср.: слов. *ripčica* ‘девочка, зрачок’; англ. *ripil* ‘ученик, воспитанник, малолетний; зрачок’ и т.д.)» [Мечковская 2002, 44–45]. Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» приводят две модели: «1) широко распространенная в тюркских языках: тур. *gözbebeği*, аз. *vəbək* ... хак. *olganax*,

¹ Б.И. Татаринцев считает, что «по фонетическим и семантическим основаниям неприемлема интерпретация слова как уподобительно-уменьшительной формы от бел ‘поясница’» [2000, 224].

тув. *qaraq oyu*, як. *xarax iččite* (букв.: 'зародыш'); 2) (видимо, исконно тюркская) «огонь глаза»: крх.-уйг. *ot qaraq*, каз. *köz anary*, алт. *köstin odu*, хак. *xarax odu*» [СИГТЯЛ, 211].

2. «Похожий на X по выполняемым функциям»

Функциональная схожесть предметов отражена в словах: *ибічек* 'летняя кухня' ← *иб* 'юрта', *соолычах* 'землянка' ← *соол* 'избушка, содержащая печь с трубой', *хазанах* 'котелок' ← *хазан* 'котел', *соорчах* 'салазки, санки' ← *соор* 'сани', *санах* 'нарты' ← *сана* 'лыжи', *кибек* 'оболочка, скорлупа' ← *кип* 'одежда', *чібек* 'шелковые нитки' ← *чп* 'нитка', *хаңаачах* 'тележка' ← *хаңаа* 'телега', *салгынах* 'редис' ← *салгын* 'репа', *ханчых* 'мешочек, кисет, кошелек' ← *хан* 'мешок', *ыстанчых* 'подштанники' ← *ыстан* 'штаны'. Диминутив обозначает совсем другой объект, нежели исходный.

3. «Находящийся близко к X»

Анализ некоторых слов позволяет выделить семантические отношения между исходным и производным словом, напоминающие метонимические (по пространственной смежности): *мойынчах* 'ошейник' ← *мойынча* 'шейка', *сыргайах* 'прутик' ← *сыргай* 'стройные молодые заросли', *көтек* 'пушок из-под хвоста гусей, уток (использовался как украшение — деталь национальных серёжек)' ← *көт* 'огузок', 'зад', *нанчых* 'кисет' ← *нан*

'бок', *киртигес* саг. 'деревянная бирка с зарубками, употреблялась для подсчета скота' ← *киртик* 'зарубка', *сырах* 'шесть' ← *сыра* 'жердь', *холай* саг. 'карман' ← *хол* 'рука', *мончых* 'монисто, бусы' (ср. *мойын* 'шея'), *пууурек* // *пуурек* 'почка' (ср. азерб. *бөйүр* 'бок'), *чўгес* 'приспособление для переноски тяжести на спине' ← *чўк* 'поша, поклажа, котомка, вьюк, груз, тяжесть'.

4. «Часть целого»

Небольшое количество производных слов возникло в результате переноса «часть ← целое»: *сурыцах* 'бусинка' ← *сур* 'бусы', *харыцах* 'снежинка' ← *хар* 'снег', *толынах* 'пылинка' ← *тозын* 'пыль', *сағылах* 'усач (рыби)' (гласный *а* сузился в предударной позиции) ← *сағал* 'ус'.

Отдельно следует рассматривать слова, обслуживающие детский язык. Они образуются от звуко- и образноподражательных (ономатопоэтических) основ, междометий. Это единицы типа *мууцах* 'корова' ← *муу* 'подражание мычанию', *меечек* 'овца' ← *мее* 'подражание блеянию', *мамачах* 'ядрышко кедрового ореха' ← *мам* 'ням-ням', *тадечек* 'кака', *пабочах* 'огонь' ← *пап* (междометие, произносится при ожоге), саг. *ўўчек* (не переводится на русский язык), ср. *ўўчек* *ёс* 'расти большой' (говорится маленьким детям) (ХРС2, 760), *ёёдек* в *ёёдек паланы!* 'выше, выше, дитятко!', 'вырасти вот таким большим!' (восклицание, которое произносится, когда высоко поднимают грудного ребенка) (ХРС2, 325).

Также от звукоподражательных основ образованы слова *ыңацах* 'грудной ребенок' ← *ыңа* 'подражание плачу маленького ребенка', *пiспичек* 'цыпленок' ← *пiспи* 'подражание пищанию цыпленка', *тинечек* саг. 'цыплёнок' ← *типи* 'подражание пищанию цыпленка'. Пример: *Пазагы кўнiнде ол таңах пiспичектер сыгарып алган* (ХЧ, 4) – На следующий день та курица вывела цыплят.

Такие слова характеризуются общеупотребительностью, в отличие от слов, обслуживающих детский язык.

Таким образом, материал хакасского языка позволяет говорить о наличии в нем слов с диминутивными аффиксами, построенных посредством переносов. При этом между производными и производящими единицами складываются отношения разного типа: отражается схожесть разных объектов по форме, по функции, по смежности, части и целого.

1.7. Диминутивные аффиксы в хакасском языке

В данном параграфе инвентарь диминутивных показателей в хакасском языке сопоставляется с древнетюркскими¹. Вначале рассматриваются показатели, имеющие

¹ Термин «древнетюркский язык» является условным, включающим в себя язык тюркоязычных памятников, различных по своему характеру и содержанию, созданных между VIII и серединой XIV веков [Erdal 1991, 3]. По типу письма они делятся на пять групп: памятники орхоно-енисейской, арабской, уйгурской, манихейской письменностей и письменности брахми.

материальную общность с древнетюркскими аффиксами, затем анализируются хакасские.

По материалам «Древнетюркского словаря» инвентарь диминутивных аффиксов древнетюркского языка включал следующие элементы: $=an/=en$, $=aq/=äk$, $=ç /=uç/=üç$, $=çiq /= çik /= çuq /= çük$, $=q /= k /= iğq /= ik /= uq/= ük/= aq /= äk$, $=qi$ и послелог-аффикс $=qïna$.

Самым активным в древнетюркском языке был аффикс $=qïna$. М. Эрдал отмечает, что он – исконно тюркский, $=ç$ был ограничен в использовании к дорогим родственникам, а формативы, заканчивающиеся на $=k$, сопоставимы со среднеперсидскими аффиксами $=çak$ и $=çak$, $=ak$ и $=ook /=uuk$, которые также образуют диминутивы [1991, 39].

А.М. Щербак выделяет старый общетюркский пласт уменьшительных показателей и новообразования. К первым он относит $=çiq$, $=çaq$, $=qïna$, $=kaj$, $=ç$, $=aq$, $=kaç$, ко вторым – $=ça$, $=çïñaz$, $=çañiz$, $=(a)lak$, $=cïmak$, $=kan$, $=maj$ [1971, 100-101].

$=an$

Древний омертвевший аффикс $=an$ ($=en$) можно выделить в структуре хакасских слов *өзен* ‘ложбина, лог, овраг’, ‘русло реки’ и *тозын* ‘пыль’ (ср.: дрт. *öz* ‘долина, проход между горами’, *toz* ‘пыль, прах’).

В древнетюркском языке при помощи $=an/=en$ были образованы слово *örtän* ‘пламя’ от *ört* ‘пламя; пожар’ и некоторые другие.

Э.В. Севортян отмечает, что выделение производных с уменьшительным аффиксом $= (a)n$ затруднено тем, что в тюркских языках в той же форме имеются образования, в которых не удастся выделить корневую морфему, в связи с чем остается открытым вопрос об аффиксе и его значении [1966, 172].

$=ax$

Аффикс $=ax$ ($=ek$) продуктивен в современном хакасском языке, при помощи него строятся существительные с уменьшительно-ласкательным значением. Присоединяясь к терминам родства, он используется как обращение: *içek* 'матушка' (*içe* 'мать'), *пиçек* — ласкательное обращение к старшей сестре (*пиçe* 'старшая сестра').

При помощи аффикса $=aq$ ($=äk$) в древнетюркском языке были образованы единичные существительные, что говорит о его синхронной непродуктивности. В «Древнетюркском словаре» представлены следующие слова с аффиксом $=aq$: *başaq* 'наконечник, острие (стрелы, копья)' от *baş* 'голова', 'ответственность', 'изголовье', 'горлышко, носик сосуда', 'колос, султан, метелка (растений)', 'вершина, макушка', 'верховье, истоки', 'глава, предводитель, начальник', 'начало'; *şanaq* 'деревянная долбленая посуда небольшого объема', 'чашка, миска, блюдо' от *şan* 'мера емкости «чан»' (заимствование из китайского языка *чжань* 'маленькая чашка для вина или масла'); *könek* 'сосуд, ведро, бурдюк', астроним 'созвездие Водолея' от *kön* 'выделанная

кожа': *tevā kōnī* 'верблюжья кожа'; *qamīçaq* 'головастик' от *qamīç* 'чернак, ковш'; *jolaq* 'тропа, тропинка' от *jol* 'дорога': *kōgmen jolī bir ermiş* 'на Кёгмен была одна дорога', 'дорога, нахождение в пути': *jol o yur bolsun* 'пусть будет удачной дорога!', рел. 'путь, способ существования': *sen üç jolī inça tep ajyıl* 'ты так скажи о трех путях существования их'; *julaq* 'ручей, протока': *aqturur kōziim julaq tüşlanür ördäk ju yuq* 'мои глаза льют потоки [слез], [так что] собираются утки и гуси' от *jul* 'источник, ручей': *ço yrama jul* 'бьющий фонтаном источник'; *kesäk* 'кусок' от *kes* 'кусок, часть'; *qisıraq* 'молодая кобылица (иногда нежеребившаяся)' от *qisir* 'бесплодный, яловый', 'кобыла, еще не приносившая приплода'.

М. Эрдал отмечает, что +АК в древнетюркском языке использовался для производства наименований животных [1991, 42]. Э.В. Севортян пишет, что данная форма развивалась в чувашском языке, тогда как в остальных рано потеряла свою продуктивность [1966, 166].

=ас

Показатель =ас (=ес) в хакасском языке строит диминутивы, присоединяясь к терминам родства, образует вокативы: *ачас* – ласковое обращение к старшему брату (*ачас, көр!* 'брат, посмотри!' (ХРС2, 92)) (*ача* 'старший брат'), *туңмас* – ласковое обращение к младшему (брату или сестре) (ХРС2, 677) (*туңма* 'младший брат, сестра'), *ничес* 'милая старшая сестра' (*ниче* 'старшая сестра'). Также при помощи этого аф-

фикса образованы слова энес I кыз. 'свекровь'; энес II шор. 'мать; матка' (*ине/эне* 'мать', 'самка').

При помощи аффикса =ç (=иç, =üç) в древнетюркском языке образовывались диминутивы, с последующим аффиксом личной принадлежности 1-го лица единственного числа: *ataçım* 'братюшка мой' (*ata* 'отец'), *ögüçüm* 'матушка моя' (*ög* 'мать'), *anaç* – уменьшительное от *ana* 'мать': *anaçım-a* «о, маменька!», 'умница (о маленькой девочке)', *ataç* уменьшительное от *ata* 'отец': *iki qolıçaqın atasınñ bojun quçur inça tep tedi amraq ataçım-a* 'обеими ручонками он обнял отца за шею и сказал так: «О мой дорогой папенька!»'; *ata o ıli ataç to ıur* 'сын родится похожим на своего отца', *ekāç* – ласкательное слово, употребляемое по отношению к смышленной девочке, от *ekā* 'старшая сестра, тетя', *begaç* 'принц' от *beg* 'правитель, вождь, князь, бек, господин', 'муж, супруг'. М. Эрдал отмечает, что +XÇ всегда присоединялся к терминам родства, которые обозначали кровных родственников, кроме *yāñā+ç+im* 'my dear sister in law' [1991, 45].

Э.В. Севортян относит этот аффикс «к древнейшим аффиксам уменьшительности, по-видимому, вошедшим в состав других показателей со значением уподобительности и уменьшительности», он «образовал производные не только с уменьшительным, но и с увеличительным значением» [1966, 169]; «в некоторых тюркских языках закономерно перешел в =ш, а =ш – в =с» [ЭСТЯ 1974, 60]. Этому же мнения придерживается А.М. Щербак

[1977, 101]. А.Н. Кононов связывает его с показателем *-ич* [ГСУЛЯ, 125].

Как нам кажется, данный элемент отразился в хакасском языке как «ч/ч» в составе некоторых слов. Примеры: *харчы* 'небольшой снег' (*хар* 'снег'), *нигечи* 'невестка', ср. *ниге* с той же семантикой, *инейчи* 'повитуха, поминальная бабка', ср. *иней* 'старуха', *игечи* 'свояченица (старшая сестра жены, мужа)', ср. вышеприведенное древнетюркское слово *ekāç*.

=чых

Тюркологами элемент =чых (=чйк/=чых/=чйк) рассматривается как вариант аффикса =чаг < =чанг, вместе с *-ича*, в соответствии с выражаемым ими общим значением уменьшительности и схожей материальной формой [Севертрян 1966, 104]. О.Н. Бётлингк, П.М. Мелиоранский возводили их к существительному *чақ*, Ж. Дени – к *чйк* < *чанг* 'количество', 'количество времени', 'время' [ГСУЛЯ, 125]. При помощи аффикса =чах (=чек, =ычах, =чйк) в современном хакасском языке образуются diminutives.

Древний тюркский аффикс =çiq (=çik, =çiq, =çйк), выражавший идею уменьшительности (*oγlançiq* 'мальчонка' от *oγlan* 'мальчик', *bakaçiq* 'лягушонок' от *baqa* 'лягушка'), отразился в хакасских словах *нанчых* 'кисет' (*нан* 'бок'), *мончых* 'монисто, бусы' (ср. *мойын* 'шея'), *мешчых* 'мешочек, кисет, кошелек' (*хап* 'мешок'), *ыстанчых* 'подштанники' (*ыстан* 'штаны'), *тамчых*

‘капля’ (*там* ‘капля, кусок’), *тапчых* ‘щепка’ (*тап* имеет то же самое значение), *мўнчўк* ‘бульон из баранины (приготовленный специально для роженицы)’ (*мўн* ‘бульон’).

=ка

Древний тюркский аффикс =*qı* (*ataqı* ‘папочка’ от *ata* ‘отец’, *anaqı* ‘маменька’ от *ana* ‘мать’) сопоставим с хакасским аффиксом =ка, выражающим ласкательное отношение говорящего к слушающему: *абака* ‘папуля’ (*аба* ‘отец’), *Ирика* (Ира), *Мишока* (Мишутка), *Питака* (Витя), *Онанка* (Онан), *Пайатка* (Пайат), *Таниска* (Танис). Присоединяется к основам антропонимов, терминов родства: *Генака* (Гена), *Чабалка* (*чабал* ‘плохой’), *ічека* ‘мамуля’ (*іче* ‘мать’), *ачака* ‘милый старший брат’ (*ача* ‘старший брат’). Также его возможно выделить в структуре некоторых синхронно непроеизводных слов, например, в слове *хылга* ‘усики, ость (у колоса)’ (*хыл* 1) ‘волос’; 2) ‘щетина’; 3) ‘струна’; 4) ‘леска’; 5) ‘силок’).

Эмре возводит данный показатель к аффиксу =*kiye* (=к_{ту}а), Броккельман представляет его как развитие аффикса =к [ГСУЛЯ, 129].

=хына

Формант =*qına* определяется в «Указателе аффиксов древнетюркского языка» как уменьшительно-выделительная частица-аффикс: *jaqılmaз-qına* ‘пока [учение] еще не распространилось’; *balaqınaq* ‘малютка’ *eñ kiçigi*

balaqınaq ‘самый меньшей, малютка’ от *bala* ‘детеныш (животного), птенец’.

Этот показатель отразился в хакасском языке как *хына* (=кiне, =гына, =гiне). Для образования диминутивных существительных синхронно не используется, можно выделить в составе некоторых слов, например, *хылгана* ‘усики, ость колоса’, *хылганах* 1) ‘волосок’, 2) ‘прусеница’, 3) ‘жесткий, колочий, грубый’ (*хыл* 1) ‘волосок’, 2) ‘щетина, шерстинка’, 3) ‘струна’, 4) ‘леска’, 5) ‘шпик’). Составители «Хакасско-русского словаря» отмечают, что он используется для образования форм сравнения прилагательных и наречий: *арыххына* ‘тощенький’ (*арых* ‘тощий’), *аххына* ‘беленький’ (*ах* ‘белый’), *пöзіккiне* ‘высоконький’ (*пöзік* ‘высокий’), *кöөлчегiне* ‘тихонько’, ‘потихоньку’ (*кöөлчө* ‘тихо’), *чахсыгына* ‘хорошенький’, ‘хорошенько’ (*чахсы* ‘хороший’, ‘хорошо’) (ХРС2, 1076).

Интерпретируя функции этого аффикса, можно отметить, что он, скорее, служит для выражения ослабленности признака, причем ограничен в используемости казахским диалектом. Обратимся к примерам: *Таргынах тулуца хызылып одырған пайларның устағ-пастағлары анда халып одырғаннар* (ХЧ, 72) – Там оставалось руководство баев, которые жались в тесном углу. *Ўўс, пöдрөңненip, кун харагына палаңнанып, кöөлчегiне айлангыштанып, ахчатхан* (ХЧ, 65) – Инос, подернувшись рыбно, тек, медленно кружа, поблескивая на солнце. *Чабызагына чалгыс турацахтың кичичек көзенегі чадап та харасхы тобыра палаңнап турча* (ХЧ, 27) – Малень-

кое окно низенького одинокого домика едва светится сквозь темноту. *Соорының хыринда чабалгына хомот, сидолка паза хазың туге чатхан* (ХЧ, 58) – Возле его саней лежали плохонькие хомут, седелка и березовая дуга.

=ай

На материале хакасского языка выделяется несколько существительных с аффиксом =ай (=ей): уучай ‘бабуля’ (ууча ‘бабушка по отцу’), иней ‘старуха’ (ине ‘мать’, ‘самка’), тӱңей ‘бугорок, кочка’ (тӱң ‘пригорок’), хадай разг. шутол. ‘жена, супруга’ (хат 1) ‘баба, женщина’; 2) груб. ‘жена’), агай кыз. ‘дядя’ (ага 1) ‘дед, дедушка (по отцу)’; 2) ‘дядя (старший родственник)’. Также он представлен в словах хаҥахай ‘дуга колыбели’ (хаҥах ‘загнутый вверх’), холай ‘карман’ (хол ‘рука’). Встречается в составе антропонимов: Генай (Гена), Коляй (Коля). Используется как обращение в сочетании с аффиксом принадлежности 1-го лица единственного числа: Йо, худайымай, йо, уйадымай! (АТ31, 34) – О, боже мой, о, стыдобушка! – Йо, чӱреемей, хайдаг чылыг сӱстер (ХТ1, 11) – О, сердечко мое, какие теплые слова.

Н.Ф. Катанов считает =ай в сагайском диалекте хакасского языка одним из показателей звательного падежа: «Звательный падеж сходен с именительным, но отличается от него только тем, что принимает впереди себя какое-нибудь междометие, напр.: ай, ол! Эй, молодец! Кудайым-ай! Боже мой!» [1882, 31]. В «Грамматике

татского языка» показатель =й трактуется как аффикс почтительного обращения [1869, 23]. А.А. Юлдашев полагает, что =ай используется только в обращениях [1956, 332]. Л.А. Покровская отмечает, что этот показатель образовывал звательные формы преимущественно в кыпчакских языках, почти не употребляясь в других тюркских языках [1961, 24]. Е.И. Убрятова пишет об усилительном значении этого аффикса в якутском языке [2006, 256].

А.Г. Гулямов считает, что узбекский показатель =ой произошел от слова *ой* 'луна' [1955, 23]. По мнению А.Н. Кононова, аффикс =ай мог произойти от =қай < =қай [ГСУЛЯ, 128]. М.И. Хабичев возводит его к аффиксам «=қай и =аьк со значением собирательности-множественности, уменьшительности» [1989, 48].

=аң

В хакасском языке есть два слова с выделемым аффиксом =аң (=ең) – *хыраң* 'пригорок' (*хыр* 'гора'), *өлең* 'попаничная трава' (ср. *өл* 'мокрый'). Слово *хыраң* исследователь хакасской топонимии Р.Д. Сунчугашев определяет как уменьшительное от *хыр* 'гора, горный хребет, возвышенность, холм' и отмечает, что оно определяется информаторами как «невысокие предгорные холмы, незначительная удлиненная возвышенность на равнине, горка» [2009, 26-27].

Л.В. Дмитриева считает показатель =аң результатом развития аффикса =ан [1977, 64].

=анах

На материале хакасского языка возможно выделить уменьшительный аффикс **=анах** (=енек), при помощи которого были образованы слова *пепенек* – восклицание при ожоге (*пеп* – возглас при ожоге), *педенек* ‘птенчик’ (ср. *педек* ‘пузатый’), *мидеенек* ‘маленький ростом’ (*миде* ‘сознание (чаще детей)’) [ХРС2, 243].

Э.В. Севоргян пишет, что показатель **=анаг** был синкретичным в отношении исходных основ словообразования, поскольку при его помощи могли образовываться производные от глагольных и частично от именных основ [1966, 226].

Мы считаем, что показатель **=анах** составной по происхождению, его можно разделить на **=ан**, сравнимый с рассмотренным выше, и **=ах** – продуктивный в современном хакасском языке диминутивный аффикс. Приведем в этой связи указание В.А. Богородицкого: «Уменьшительные имена, перестав быть уменьшительными, могут образовать затем новые уменьшительные имена. ... А это ведет к возникновению в языке новых суффиксов» [1939, 172].

=лаң

Непродуктивный уменьшительный аффикс **=лаң** отмечен в словах *чарлаң* кыз. ‘обрыв’ (*чар* ‘яр’), *хырлаң* ‘горка, холмик’ (*хыр* ‘горный хребет, гребень горы; холм; возвышенность’). Слово *хырлаң* синонимично приводящемуся выше *хыраң* [Сунчугашев 2009, 27].

Б.И. Татаринцев высказал мнение, что тувинское слово *қырлаң* 'небольшой горный хребет, отрог, грань, ребро, образуемое двумя пересекающимися плоскостями (шипр., двускатной крышей)' в тувинском языке является образованием на *=ң* от глагольной основы *қыр=ла=* 'идти берегом, краем, ходить по горным хребтам' [2004, 122]. Как новообразование в тюркских языках аффикс *=лаң* определен А.М. Щербаком [1971, 129].

=ча

В хакасском языке при помощи *=ча* образованы в основном антропонимы: *Мыконча* (Мыкон), *Пронча* (Прон), *Хыстинча* (Хыспин), *Ипинча*, *Сомча*. Информанты сообщают, что данный аффикс используется в общении между родственниками.

Мнения по поводу происхождения даны у А.Н. Кононова: «По Дени (Гр., § 918), аффикс *=ча* < *=чаг* < *=чанг* (§ 142). По Рамстедту (Введение, стр. 191-192), *=ча* < *=ч* + *=ай* (<=*гай*, стр. 184)» [ГСУЛЯ, 125].

=хай

В составе некоторых слов можно выделить аффикс *=хай* (*=кен*). Слово *пичекей* в «Хакасско-русском словаре» дается как синоним слову *пичек* – ласковое обращение к старшей сестре (*пиче* 'старшая сестра'). Также при помощи аффикса *=хай* образовано слово *уучакай* 'бабуля' (*ууча* 'бабушка по мужской линии'). Этот аффикс содержат, по нашему мнению, слова *худагай* 'сватья (мать невесты, жениха или пожилые родственницы)'

(худа 1) 'сватовство', 2) 'сваха', 3) 'сваты')¹, *ўткейек* 'небольшое отверстие, дыра в чем-л., сквозное полое пространство в чем-л.' (*ўт* 'отверстие, дыра'), *холгыях* 'выемка, углубление (на стенке русской печи)' (*хоол* 1) 'пустой', 2) 'полый', 3) 'полость, дупло'), *пиби-кей саг*. 'гусенок' (*пиби* – звукоподражание).

Уменьшительно-ласкательный аффикс =*кай* отмечен Н.К. Дмитриевым в башкирском языке [1948, 70]. А.Н. Кононов считает, что аффикс =*ай* мог произойти от =*кай* < =*қоқ* [ГСУЛЯ, 128]. Л.А. Покровская разлагает его на 2: уменьшительный =*ка* и звательный =*й* [1961, 24]. Н.З. Гаджиева и Б.А. Серебrenников считают, что он возник в результате сложения аффикса =*q* с аффиксом =*ai* [1974, 4].

*=*хас*

В структуре двух хакасских слов *хусхацах* 'птичка' и *төкпес* 'пень' [Дмитриева 1977, 68] можно выделить непродуктивный уменьшительный показатель, это =*хач*²//=*кес*. Материалы родственных языков говорят о наличии в них сопоставимого с рассматриваемым уменьшительного аффикса: алт. *кушкач*, тув. *кушкаш* 'птичка', тув. *оолгааш* 'паренек', як. *сонобос* 'молодой конь', 'лошадка', *ўруңкәс* 'белянка' (кличка белошерстной коровы) [Щербак 1977, 101].

¹ Б.И. Татаринцев считает, что формант =*кай* в тувинском *кудагай*, возможно, восходит к аффиксу диминутива =*кай*, характерному для кыпчакских языков и употребляемому также и с терминами родства [2004, 259].

² С озвончением в интервокальной позиции.

Как уже отмечалось выше, из всего многообразия диминутивных аффиксов в хакасском языке активны три: *=чах*, *=ах*, *=ас*. Рассматривая особенности образования производных существительных с уменьшительным значением, следует сказать, что выбор того или иного аффикса обуславливается морфонологически.

Например, *=чах* присоединяется к основам, заканчивающимся на гласные (*аба=чах* 'медвежонок', *миске=чек* 'грибок', *порчо=чах* 'цветочек'), и к односложным основам на согласные (*им=ичек* 'лекарство (хорошее)', *таг=ычах* 'горка', *мал=ычах* 'скотинка', *аи=ычах* 'маленькая луна', *саң=ычах* 'звоночек', *киб=ичек* 'маленькое пальто', *чир=ичек* 'небольшое место', *нит=ичек* 'пятерочка', *од=ычах* 'огонек').

Аффикс *=ас* присоединяется к неодносложным основам на согласные «ґ», «г», «к», «х», «м», «ң», «п»: *арыг=ас* 'лесок', *пирог=ас* 'пирожок', *кизег=ес* 'кусочек', *мылтыг=ас* 'ружьишко', *торым=ас* 'кедровая шишечка', *хазың=ас* 'березка', *тулуб=ас* 'гостинчик'. Также он может следовать за показателями *=чах* и *=ах*, передавая в этом случае усилительность: *пала=чаг=ас* 'ребеночек', *адай=аг=ас* 'маленькая собачка'.

Показатель *=ах* возможен после основ на «л», неодносложных основ на «й», «л», «н», «р», «с», «т» (*сырыл=ах* 'личико', *адайах* 'собачка', *сагал=ах* 'усики', *калалың=ах* 'маленький сокол', *хамыз=ах* 'ковшик', *суула=ах* 'небольшой водопой').

Также в ряде случаев к одной и той же основе могут присоединяться разные аффиксы, например, *аал=ах* и

аал=ыцах от *аал* 'деревня', *аар=ах* и *аар=ыцах* от *аар* 'пчела', *көөг=ес* и *көөг=ичек* от *көөк* 'кукушка', *адай=ах* и *адай=ыцах* от *адай* 'собака', *иней=ек* и *иней=ичек* от *иней* 'старуха'. В таком случае следует говорить о противопоставлении двух видов оценки: аффикс *=цах* является носителем мелиоративной оценки (маленький, значит, милый, хороший), *=ах* и *=ас* выражают пейоративную оценку (маленький, значит, ничемный).

1.8. Выводы

Опираясь на теоретические положения о том, что диминутивы являются представителями семантической категории, в основе которой лежит представление о предмете и его свойствах, меньших определенной нормы, мы определили грамматические средства ее выражения в хакасском языке (продуктивные аффиксы *=цах*, *=ас*, *=ах*, непродуктивные *=ан*, *=аң*, *=лаң*, *=чых*, *=анах*).

Часть показателей, используемых для выражения семы малости, употребляется в сочетании с основами антропонимов и терминов родства, передавая значения 'хороший', 'милый', 'родной' и т.п. (*=ка*, *=ча*, *=ай*, *=хай*). Всего рассмотрено 13 аффиксов.

Часто оформляются диминутивным аффиксом основы слов, лексическое значение которых содержит сему малости, ослабления качества, количества.

Значение уменьшительности в тюркских языках способно трансформироваться в значения уподобления, непростости, женскости, усилительности.

Отдельно нами рассмотрены слова с уменьшительными аффиксами, в основе образования которых лежит семантический перенос. Названия объектам были даны на основе внешней схожести («похожий на X внешне, напоминающий X»), функциональной схожести («похожий на X по выполняемым функциям»), смежности в пространстве («находящийся близко к X»), а также передачи отношения «часть-целое».

Обзор диминутивных аффиксов в древнетюркском и хакасском языках позволил сделать следующие выводы: для включения объекта в сферу, близкую говорящему, в древнетюркском языке использовался аффикс *=qïna*, в хакасском языке для этого используются аффиксы *=çax*, *=an*, *=ax* и некоторые другие.

Имеют материальную общность с древнетюркскими показателями *=an*, *=ax*, *=ac*, *=çых (=çax)*, *=ка*, *=хына*. Хакасским аффиксам *=ай*, *=хай*, *=аң*, *=лаң*, *=ча*, *=анах* находят аналоги в некоторых современных тюркских языках.

Уменьшительные аффиксы часто встречаются в сочетании друг с другом (*=ax=ac*, *=çax=ac*, *=хына=x*), в процессе развития языка могут слиться воедино (*=анах*, *=хана*).

ГЛАВА 2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИМИНУТИВОВ В РЕЧИ

В современной лингвистике утвердилась мысль, что в каждом акте речевого общения говорящий стремится достичь некоторой неречевой цели, которая сводится к регуляции деятельности собеседника, к воздействию на его сознание, к управлению им. Лингвистическая прагматика исследует условия использования языка коммуникантами в актах речевого общения. Они включают в себя «коммуникативные цели собеседников, время и место речевого акта, уровень знаний коммуникантов, их социальные статусы, психологические и биологические особенности, правила и конвенции речевого поведения, принятые в том или ином обществе» [Богданов 1996, 268].

И.В. Труфанова обратила внимание на тот факт, что в языке, кроме образа говорящего, существует и образ слушающего. Его учет заставляет говорящего заботиться об организации речи для лучшего восприятия ее слушающим [Труфанова 1997, 98]. Говорящий имеет коммуникативные обязанности по отношению к адресату, как строить текст, высказывание. Т.В. Шмелева сформулировала правила речевого поведения говорящего и установила наличие «ты-сферы» в субъективной части семантической устроенности предложения, которая выра-

яется в наличии обращений, форм 2 лица глаголов, местоимений, вводно-модальных слов в форме 2 лица [Труфанова 1997, 99].

Компонент «слушающий» входит и в значения некоторых глаголов, существительных, прилагательных. К одним из таких средств относятся существительные с уменьшительными аффиксами. При описании особенностей употребления диминутивов в текстах на хакасском языке мы опираемся на положения, изложенные в трудах В.А. Земской [1992], З. Рудник-Карват [1998] и других ученых, исследующих особенности функционирования языковых единиц в речи.

2.1. Диминутивы в речи

З. Рудник-Карват устанавливает три функции словообразования, реализующиеся в диминутивных производных: функцию сообщения, экспрессивную и побудительную функцию. Под функцией сообщения понимается общая функция информирования говорящим о ситуации; экспрессивная функция связана с выражением субъективных чувств и оценок говорящего; побудительная функция связана с воздействием на адресата говорящего, имеющего иллокутивные цели (просьбы, предложения, приглашения, уговаривания, приказа) [1998, 116].

Говорящий для достижения намеченных целей выработывает специальную речевую тактику [Рудник-Карват 1998, 319-320]. Частотны диминутивы в диалогах. Здесь они нередко имеют побудительную функцию, основанную на иллокутивных намерениях говорящего: просьбы, приглашения, уговаривания.

А.А. Буряковская пишет, что употребление диминутивов свидетельствует об определенной психологической атмосфере и закреплено за различными фреймами, выделяемыми по признакам социального статуса, возраста и пола коммуникантов [2008, 13-14].

Примеры употребления диминутивов говорят о связи значения рассматриваемых единиц с речевой ситуацией, поэтому для раскрытия их семантической специфики необходимо привлекать контекст.

Уменьшительные слова функционируют по-разному в монологах и диалогах, по этой причине материал был разбит на две группы и, в соответствии с этим, проанализирован. В ходе проведения исследования была выделена группа примеров с метафорическим использованием диминутивов, на которой нам хотелось бы остановиться отдельно.

2.2. Употребление диминутивов в монологической речи

Монологическая речь – форма речи, образуемая в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредованное восприятие. Для нее ти-

очень значительные по размеру отрезки текста, состоящие из структурно и содержательно связанных между собой высказываний, имеющие индивидуальную композиционную построенность и относительную смысловую завершенность [Винокур 2000а, 310].

Анализ употребления диминутивов в монологической речи показал, что данные единицы служат для обозначения небольших предметов, а также имеют экспрессивную функцию.

Диминутивный аффикс частотен при основах слов, обозначающих небольшие объекты (жаворонок, всходы, проток, котелок, курительная трубка, лук (оружие), крошки, нателный крестик). Примеры: *Наа кызыл торгай=ax=тар чазы үстүн көглендирip сарнасханнар* (ХЧ, 6) – Только что прилетевшие жавороночки перелетаются, веселя степь. *Хар тыхтаглаан хара ха-ан-ах-тар от үстүнде таханнарға хызылгап турганбысханнар* (ХЧ, 42) – Черные котелки, плотно набитые снегом, были поставлены над огнем на треножнике. *Хам тегілек түүрліг полған. Істінде аның сыңах-тар сіліг иде сыңырасханнар* (НТ 1982, 38) – У шамана был круглый бубен. Внутри него красиво переливались колокольчики. *Тура даа нимес, турачах торго кирек. Ізгі угаа чабыс – мөкейіп ле кірерге чарир. Істінде, тілсиз, угаа тарғынах, сыңаны пу ла: нес, узуңаң үчүн, столах* (ВТ 1991, 63) – Это даже не дом, можно сказать, домик. Дверь его очень низкая – можно войти только согнувшись. Внутри же очень тесненько, помещается только вот: печь, деревянная кровать, столик.

Нар ба төрөөн чиримде пірее дее ады чох тагычах алай пірее дее ады чох суучах? (ВТ 1991, 61) – Есть ли на моей родине какая-нибудь безымянная горка или безымянная речка?

К этой группе примыкают примеры, связанные с передачей значения малости через сравнение его с чем-то большим. Два объекта таким образом противопоставляются друг другу, при этом подчеркивается малозначительность одного из них. Приведем примеры.

Айдо, чалгыс турачахтан сыгып, улуз тураның изігін чадап тидініп азып, чүрекси-чүрекси кір парған. Ибнің істі аллыг, ачых-чарых. Айдо ол тураның істінде позы позына угаа кічигбін тіп сагын турадыр (ХЧ, 20) – Айдо, выйдя из одиноко стоявшего домика, нерешительно открыл дверь большого дома и с волнением вошел в дом. Дом внутри просторный, светлый-светлый. Айдо думает, что он в этом доме сам себе кажется маленьким.

Тигірде чылтыстар пачырама чылтырас тур. Чабызагына чалгыс турачахтың кічичек көзенегі чадап ла харасхы тобыра палаңнап турча (ХЧ, 27) – В небе светятся ярким светом звезды. Маленькое окошко одинокого низенького домика с трудом мерцает сквозь темноту.

Вначале описывается пребывание героя в Новосибирске, затем прибытие его в Абакан. *Ягор Новосибирск городтаң Ағбанға иртен читкен. Ёр чапсыхтанып пас чөрген ол кічичек ағас туралығ городычыхча. Мының алында Ағбан город таа хайхастығ көрінчең ағаа. «Хайдағ узун туралар, ікілер хадыл!» – хайхачаң полған.*

Анды тозынның, хаңаалыг аттыг, чахтал парған ту-
раныг городычах аястыг даа көрінген (КН 1983, 152) –
Игор доехал до Абакана из города Новосибирска утром.
Долго ходил он, удивляясь, по маленькому городку с де-
ревянными домами. Раньше¹ даже город Абакан казался
ему удивительным. «Какие высокие дома, двухэтаж-
ные!» – удивлялся (он). Теперь пыльный городок с при-
земистыми домами, с телегами казался даже жалким.

Потыңны тагнаң тиңнебе, арғызыңны – тылочахнан
(НТ 1977, 37) – Не сравнивай себя с горой, друга своего
с конечкой.

Чуртас тун тайгадаң даа халын ниме. Тайгада
ирес чол алай ба суға апарчан сарсых азах орыхтар даа
пачыр. Чуртаста андаг чолычахтар чоғыл (МТ 1984,
74) – Жизнь темнее непроходимой тайги. В тайге есть
какая-то дорога или тропы, ведущие к воде. В жизни та-
ких дорожек нет.

Жизнь человека выступает как нечто незначительное
на фоне всеобщей истории путем сравнения ее с мел-
кими объектами: Парчан пу нимелерні көр килзең, о, хай-
рахсан! Парасхан кізінің, хайдаг даа ўр час чазаан полза
аң, чуртаны көрінмес тозынах илбек чир ўстўнде. Анда
даа ол аңы толдыра тузалан полбинча. Өдірізерге, чаа-
нларга, ол кічишек хубағанах осхас чуртасты чох
көрінерге ирденіс чир ўстўнде тохтабинча (АТЗ8 Нер-
сиспен 15) – На все это посмотришь, о господи! Жизнь
маленького человека, как бы долго он не прожил, – невиди-
мая песчинка на поверхности великой земли. Но и там

¹ То есть до посещения Ягором Новосибирска.

он не может ею полностью воспользоваться. Не исчезает стремление убивать друг друга, воевать, уничтожать эту жизнь, подобную маленькой бабочке.

Диминутивы частотны во фрагментах текстов, посвященных описанию природы: *травка* (од=ыҫах), *ручеек* (чул=ыҫах), *речка* (суу=ҫах), *деревенька* (аал=ыҫах), *милая скала* (хайа=ҫах), *шалашик* (отағ=ас), *пчелки* (аар=ыҫах=тар), *родная степь* (чаз=ыҫах). Здесь они призваны показать, как мил родной уголок сердцу героя или автора, ведущего повествование. Например: *Чир ұстүнде март ай наа ла хайыныбысхан. Аннаңар чол хасты, чылтырап, пуртах чулычахтар ойласча. Степан пілче: пу кічи́чек чу́ғу́рік чулычахтарның күзі хорғыстығ. Төңнер төбін сыыласчатхан сүрмес-чулычахтар пірееде улуғ хыйал итче... Степанға пу ниме хаҫанох таныс, чўреене чағын: пу төңнер, сууҫахтар, пу хар алтынаң поэп парған, тыло осхас, кизек одыҫахтар, пу улуғ нимес көлі́чек. Көлі́чек, чаймах чі́ли, чазы хойнында ағарча* (АТ31, 80) – На поверхности земли только что стал хозяйничать месяц март. Из-за этого вдоль дороги, поблескивая, бегут грязные ручейки. Степан знает: сила страшная у этих маленьких бегучих ручейков. Ручейки-косички, журчащие вниз по пригоркам, иногда приносят большой вред... Степану все это давным-давно знакомо, близко сердцу: эти пригорки, речки, эти подобные кочке травинки, местами высвободившиеся из-под снега, это небольшое озерцо. Озерцо белеет в объятиях степи, как блюдце.

И монологических повествованиях выделяются зоны эмоциональной напряженности, с «концентрацией» диминутивов. Например, автор описывает побег малолетнего положительного героя. Хозяин плохо с ним обращался, мальчик бросил овец и сбежал ночью, куда глаза глядят. В отрывке из 16 предложений, где описан его путь, 8 диминутивов. Мальчику по дороге встречаются ширококрылые совушки (*халбах ханаттыг тас-халлахтар*), он идет по тропинке без конца и края (*тондурлан парчаа чох чолычах*), шажки его ровные (*тиң халлахтар*), взбирается на горку (*хырычах үстүне*), наконец, он видит далекие светящиеся огоньки (*ырах нурланчатхан одычахтар*). Тем самым автор сопереживает герою и радуется окончанию его ночного пути.

Исключение диминутивов в речь может также объяснять малолетний возраст героя, помогая автору создать «маленький мир». Приведем пример традиционного повествования рассматриваемых единиц в этой функции. *Тиг часхы кунде Артас іңезінең хада садсар нурган... Кішіг оолағас полған на наа нимее өрінген: кинде халлахтар сарнапчатханын истіп турыбысча, кинде удур килчеткен кізілерзер харах албин көрче... Турне нурганда, оолағас чол хазында өсчөткен сарыг нурчачахтары көріп турыбысхан. Анаң, от аразынзар кырыһи, пірердең ипти оларны үзіп, пір холычаана чыып тыхан. Іңелі, тізең, күлініп, олғычаанзар тапсабин көрчөткен. Оолағас холына толдыра тутчатхан пор-чачахтары іңезіне пирген* (АТ, 93) – Жарким весенним днем Артас с матерью пошел в сад... Маленький маль-

чишка радовался каждой новой вещи: где остановится, чтобы послушать пение птичек, где смотрит, не отрывая глаз, на людей, идущих навстречу... Через некоторое время мальчишка остановился посмотреть на желтые цветочки, росшие на краю дороги. Потом забрался в траву и, аккуратно срывая по одному (цветку), начал собирать в одну ручку. Его мать же, улыбаясь, безмолвно смотрела на своего сыночка. Мальчишка отдал матери цветочки, которые он держал охапкой.

Отмечаются случаи, когда диминутивы используются при описании ситуаций, в которых лицо, ведущее повествование, в первый раз оказывается в новом для него месте, стране. Приведем примеры.

Хакаские туристы приехали в Германию, описывают свои первые впечатления: *Аар-пеер хай-бағынчабыс. Чир хайда даа чир ле. Ибіре парбах ағастар, кизек-кизекти арығастар, көк бархат ча-зычахтар. Кізінің хайди чуртапчатханы иркін алтазаңох көрінедір. Ибіркі хыраларда пір одычах таа көрінминче. «Чир-чахсаа хынчатхан чон осхас», – поэты-быс алынча таныхтапчабыс. Халын күр хулғачахтар чикпек танға улуг өөрнең ойлап париған аттарның чилілері чили чилбірепчелер* (АТ, 127) – Оборачиваемся туда-сюда. Земля как земля (букв.: земля везде как земля). Вокруг раскидистые деревья, местами-местами лесочки, бархатистые зеленые лужочки. То, как живут люди, заметно уже с порога (как только перешагнешь порог). На окрестных полях не видно ни травинки. «Видимо, народ, любящий землю», – отмечаем про себя

Густая сильная поросль колыхнется на ветру, как гривы лошадей, мчащихся большим табуном навстречу сильному ветру.

Автор пишет о поездке в Монголию. *Пасхаңыл нима. Күн чирі таңнастығ. Полған на төнічек пасха осхас, полған на табылғатта, ағзахта, аның тигірінде хайда да чапсых нима көр тапхадаға төйізің. Мин көрчем арыстарымзар, олар даа, минөк чіли, тибіри түстілер. Изен, Монголия! Изен, пурунғы чир! Сайн байна уу! Эн-тайван сагаа! Поезд, пістің чапсыхтанчатханыбысты кәсіптенкен чіли, маңзырабин ойлап одырча, оох-теек станцияларға сағба піріп киліп одыр. Піске мында парван нима аарлығ, полған на аалычах, станциячах, полған на пітіп алған алай хығырып алған сөс* (АТ, 5) – Странное дело. Удивительна чужая земля. Каждый пригорок кажется другим, похоже, что ты находишь что-то удивительное в каждой таволге, деревце, в ее небе. Я смотрю на друзей, они, как и я, приподнялись (со своих мест). Здравствуй, Монголия! Здравствуй, древняя земля! Сайн байна уу! Энхтайван тебе! Поезд, как будто догадывается о нашем удивленном состоянии, едет, не торопясь, подавая сигнал маленьким станциям. Нам здесь все интересно, каждое маленькое сельцо, маленькая станция, каждое услышанное или прочитанное слово.

Длинные в представленных отрывках используются как для передачи значения собственно уменьшительности, так и для выражения общего эмоционального состояния повествователя, связанного с удивлением, восхищением, восторгом.

2.3. Употребление диминутивов в диалогической речи

Диалогическая речь – «форма речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» [Винокур 2000, 135]. Речевое общение между его участниками осуществляется для достижения определенной цели. Она может заключаться в получении или сообщении сведений, получении согласия на осуществление какого-либо действия, обмене мнениями и т.д. [Богданов 1996, 269]. При обращении к собеседнику говорящий «учитывает отношение к нему как к «своему» или «чужому», вышестоящему, равному или нижестоящему; эти же координаты переносятся и на предмет, о котором идет речь и который включается тем самым в общее у говорящего коммуникативное пространство» [Федорова 2005, 186].

Имеющийся материал позволил нам распределить примеры по группам речевых ситуаций со следующими условными названиями: «Детство», «Ухаживание», «Дружеское общение», «Конфликт», «Уговаривание», «Преуменьшение опасности», «Речь, обращенная к себе», «Животные».

Рассмотрим, каким образом используются диминутивы в диалогических единствах, какие особенности они имеют в диалогической форме речи хакасов.

2.3.1. «Детство»

Стандартным примером использования диминутивов является речь, адресованная детям. Говорящий может быть незнаком или знаком с младшим собеседником, не связан узами кровного родства с ним или приходить к нему родственником (быть бабушкой/дедушкой, матерью/отцом и т.д.).

Приведем пример: мальчик Айдо после того, как убежал от жестокого бая, попал на чужой сеновал, где и уснул. Проснулся он от лая своей собаки на незнакомого всадника. Мальчик и всадник знакомятся:

– *Нымзах төзекте узудың ма, айол? – күлімзірибес, Айдодаң сурған ол.*

– *И... ге-ге-ге, – ідөк күлімзіреп, өрініп, нандырған Айдо.*

– *Ада... Хайдаң парирып, мында хоныбысхазың?.. Харраа килген поларзың чи? – сурған кізі.*

– *И, хараа киліп, хоныбысхам. – Айдо, сиден төзінзер тартып парирып, чоохтапча. – Аалга хараа парған даа полартам, анда олох таныс чоғыл. Мында улича чылыг узудам. – орыс тілі ол хоза тартыбыс тур.*

– *Амды син магаа от таарлирга хабазар нооң, йа, тартың? – күлімзіреп чоохтанча килген кізі.*

– *Мин от таарлап піле чоғылбын, – хабазар көңні тартып даа полза, Айдо пілініп чоохтапча.*

– *Адың кемдір, айол?*

– *Адым – Айдо.*

– Мин сині от таарлатпасын, Айдоцах. Син таарлаан оттың ұстунде ле турарзың, – адын сиденге кире чидектепчедіп, чоохтапча.

– Чарир, турарбын, – чаратхан Айдо. Ол позын іди иркелеп адаан кізіні ам на көрді (ХЧ, 17-18).

– Ты спал в мягкой постели, парень? – спросил он Айдо, улыбаясь.

– Да.., ге-ге-ге, – также ответил, радуясь, Айдо.

– Мда... Откуда идя, ты здесь заночевал?.. Ты, наверное, пришел ночью? – спросил человек.

– Да, придя ночью, заночевал. – говорит Айдо, подходя к забору. – Даже если бы и пошел ночью в село, все равно там нет знакомых. Здесь улица тепло спал, – вставляет русское словечко.

– Теперь ты мне будешь помогать загружать сено, да, парень? – улыбаясь, говорит подъехавший человек.

– Я не умею загружать сено, – говорит Айдо, хотя у него и есть настрой помочь.

– Как тебя зовут, парень?

– Мое имя – Айдо.

– Я тебя не буду заставлять грузить сено, милый Айдо. Ты будешь только стоять на сене, – говорит он, ведя за повод коня к забору. – Хорошо, буду стоять, – согласился Айдо. Он впервые видел человека, который так ласково обратился к нему.

Из контекста становится ясно, что говорящий мужчина использует диминутив по отношению к младшему собеседнику и как средство показать свое расположение, и как средство выразить просьбу.

Взрослые говорящие, включая диминутивы в речь, обращенную к детям, выражают положительные эмоции. Приведем ряд примеров.

Учительница обращается к своему ученику: *Ибімзер кетсем, хана істінде пабамнаң хости Айтина Капитосовна одырча: «Айазах, сині пірее кізі хыйыхтабысхан, дүрәһ?» – сағади сизік хапхан ол* (МК 1991, 85) – Когда я пришла домой, во дворе рядом с моим отцом сидела Айтина Капитосовна: «Милый Аяс, тебя, видимо, кто-то обидел?» – сразу же догадалась она; – *Айаска, урокта мин апаңар чоохтамох хайза, пүүн сірер оларны татаңарның хараанаң көріп алдыңар* (МК 1991, 85) – *Аясик*, я же на уроке об этом же говорила, сегодня вы это увидели собственными глазами.

11-летний парень Торка обращается к подростку, называя его ласково по имени: – *Син, Торка, хайдар парирның? Мині дее хада апар за, пірее чирге аалап. – Салың чарабас, мин ырах парим, Айдоцах, узу* (ХЧ, 21) – Ты, Торка, куда идешь? Меня тоже возьми, куда-нибудь в гости. – Тебе нельзя, я далеко пошел, милый Айдо, син.

Мужчина будит незнакомых ему на первый взгляд мальчишек, спящих в пустом доме его родственника, за тем ушпает одного из них: *Тодыл, оларны хорғытпасхан, атырын тапсаан: – Туңмачахтар, а туңма... Ікізінең біре амыр усхун парғаннар, че, ибіре кізілер туңмачаханын сизін салып, хахан парғаннар. – Кос парна, сизің ме? – танып салып, харағына киртінмин, сизің Тодыл* (МТ 1984, 51-52) – Тодыл, чтобы их не на-

пугать, тихонько промолвил: Братишки, а, брат ... Оба так же спокойно проснулись, но, догадавшись, что кругом стоят люди, поразились. – Милый Коста, это ты? – узнав (мальчика), не веря своим глазам, спросил Тодыл.

Бабушка обращается к незнакомым детям: – *А мынзы кемдір. Огастың палазының палазы ба? Аринча сызырып алтыр! Сырайычаа тегілек, харахтары улуг, састары тас хара, хатыглар, сыдамахтыг палачах* (МК 1991, 78)

– А это кто. Внук Огаса? Просто как две капли воды. Личико его круглое, глаза большие, волосы черные-черные, твердые, крепкий ребеночек.

Пожилая женщина соглашается рассказать сказку мальчикам, которые ее просили об этом: – *Че, иркечектерім, полгай сірернинең. Ыс пирем тынағ аразында, от ниме чулып алзам, анда, Саас хойнында* (ВТ 1991, 86) – Ладно, миленькие мои, пусть будет по-вашему. Расскажу во время отдыха, когда надергаю травы, там, в ложбине Сас.

Отдельную группу образуют примеры употребления диминутивов взрослыми родственниками, бабушками/дедушками, матерями/отцами, по отношению к своим внукам/детям.

Следует отметить, что в традиционной культуре хакасов не принято было открыто выказывать эмоции и чувства, в том числе и по отношению к своим детям. В художественной литературе в описаниях ситуаций «взрослый родственник (мать/отец, бабушка/дедушка) – ребенок (дочь/сын, внук/внучка)» чаще встречаются та-

ные обращения к ребенку, как *палам* 'дитя мое', *хызым* 'дочь моя', *оолгым* 'сын мой'. Можно сказать, что диминутивы чаще используют бабушки и дедушки по отношению к внукам, чем матери и отцы – в отношении к детям.

Бабушка обращается к внуку, называя его «мой мальчик»: – *Син зе, оолаам, чахсы ла ўгренчең полгазың хаппа. Арса, сўрп тее чидіп аларзың. Ўгренерге парарга итсең, тірее оңдайнаң халазах идібөк пиргейбін. Мында өлөөт уныцах парох. Паза хоза талғанах ит пирем чізе* (ПТ, 22) – Ты же, мой мальчик, все время хорошо же учишься. Может, нагонишь. Если хочешь поехать учиться, какнибудь постряпаю хлебушек. Здесь есть немного муки. Еще сделаю ведь вдобавок талканчику. Цель обращения – убедить внука поехать учиться в городскую школу, которую он бросил. Во фразах есть диминутивы *халазах* 'хлебушек', *уныцах* 'мука', *талғанах* 'талканчик', которые включены в речь бабушки для выражения нежности к внуку.

Бабушка делает иносказательное замечание внуку, называя камышом его ресницы: *Анаң хази чоохтанмин, кыккытмин, тіпче: – Пуун пархачаам көл ибїртпеең одыр, ханкыстар аразы иртчее чоғыл, кірлел партыр* (МК 100, 39) – Не придираясь, не упрекая, потом говорит: – Сын мой внучок не ходил вокруг озера, нельзя пройти своим камышом, замарались, оказывается.

Дедушка обращается к внукам: – *Пар, палам, амалла иткелестің. Мал соонча ла чөрп, пабачаан даа көр хаткыч киїспесі иркечееме, – тугенчі сөстерін Сабис*

чапчаң сых парганда тоосхан аға, поэты, ұн сығарбин, істінде ылғап одырча. – Інегес чахсы саалча ба, палам? – сурча Хоортай, Кнай ибге кіргенде (НД, 201) – Иди, дитя мое, успокой свою милую старшую сестру. При-
сматривала за скотом, не пришлось даже повидаться со своим батюшкой моей лапочке. – последние слов дед произнес, когда Сабис быстро вышел, сам в душе плачет безмолвно. – Коровка хорошо доится ли, мое дитя? – спрашивает Хоортай, когда Кнай вошла в дом.

Мать будит дочь, засыпающую от сильной усталости и жажды: Анаң хызычаан тибірет сыххан: – Зойка, Зойкачах, суғ, палам, суғ... Оңарыл... оңарыл, палам (НД 1987, 17) – Потом она стала тормошить свою дочку: – Зойка, Зоечка, вода, дитя мое, вода... Очнись... очнись, дитя мое.

Отец может обращаться к взрослым детям, выражая диминутивом нежность к ним: – От сапчаң чир көр салдың ма, Орапайах? – сур салған пабазы. Ол аны іди иркелеп адачаң (МТ 1984, 123) – Нашел ли место для сенокоса, милый Орапай? – спросил его отец. Он так ласково его называл. – Аңнап чуртаан ползаң, Осарах... – ну наадаң пастағызын на іди паарсах уннең «Осарах» кічігледі (МТ 1984, 89) – Если бы ты жил охотой, милый Осар... – за последнее время в первый раз сказал «Осарах» таким ласковым голосом, обратившись, как к маленькому. Тапчы. Хызычаам! Миннең сыхханым! ... Порчочах (ХЧ, 166) – Тапчы. Доченька моя! Дитя мое! (букв.: вышедшая из меня) ... Милая Порчо.

Таким образом, собранный нами материал показал, что в ситуациях «взрослый-ребенок» путем использования уменьшительных слов выражаются положительные эмоции говорящего (взрослого) к слушающему (ребенку).

2.3.2. «Ухаживание»

Другой тип представляют коммуникативные ситуации, участниками которых являются мужчины и женщины. Они интересны двумя аспектами: а) чаще диминутивы используют мужчины, чем женщины; б) цель их использования – выразить внимание, продемонстрировать ласковое отношение к объекту ухаживания, создать благоприятную психологическую атмосферу или добиться желаемой цели. Приведем ряд примеров.

Говорящий, бай Хорхло, ставит себе цель познакомиться с девушкой Чибек и добиться ее расположения. Сначала он разговаривает сам с собой, употребляя диминутивы, потом включает диминутив в свое обращение к девушке: Хорхло. Хм... *Kıncıs nimes хызычах пол-тыр...* Сігі дее... *аринча сігі...* Хайди азынада *оңайым аны?! Чох, погда, погда хызычах. Хайдаг по-диреах аны...* Амды сала оңдайы чох... Гм... Гм... Пор-ло... *Чо, мин аны...* Тырлос, пар пызоларыңны көр кил! *Тырлоу улут тын салып, сыхча...* Анзын мин *пайдалырбын* (Чибексер чагдап). Көгенеемнең пу *чүгесті* не келет... Чибек, Анда пір дее *чүгес* чоғыл. Хорхло. Чох *аңа манда көрдек се..* (Чибекті хучахтирға иткенде,

анзы хыйа ойлабысча). Ноға сасхахтанчазың? Мин сағаа хомай ниме итпесін (ХЧ, 154-155) – Хорхло. Хм... Недурная девчоночка, оказывается.... Красивая даже... очень красивая... Как же я раньше не замечал этого?! Нет, статная, статная девчоночка. Каково бы ее... В настоящий момент же нет возможности... Гм... Гм... Порчо... Давай, я ее.. Тырлос (обращается к жене), иди сходи, посмотри телят! Тырлос вздохнула и вышла... Это я поправлю. (Подойдя к Чибек). Убери пушинку с моей рубашки. Чибек. Там нет никакой пушинки. Хорхло. Нет, есть, тут посмотри... (Он хотел обнять Чибек, та отбежала). Ты почему скачешь? Я тебе не сделаю ничего плохого.

Диалог бая с понравившейся ему девушкой, которую он не прочь сделать второй женой: Порчо. Мин тоғынчам, полысчам... Хорхло. Анзы асхыначах, аринча асхынах. Син ағаа чахсы холыңнаң полыс пирген ползаң... Хайди сағынчазың... Ибімнің иркінін алтибас, анда ибленібіскен ползаң, э? (ХЧ, 115) Порчо. Я работаю, помогаю... Хорхло. Этого недостаточненько, совсем маленько. Если бы ты помогла ему своей легкой рукой... Как думаешь... Если бы, переступив порог моего дома, поселилась бы там, а?

Шаман по имени Кака встречает по дороге девушку и начинает ее преследовать, домогаясь: – А-а-а, Анначаам ма! ... Анна. Хыйа тур, айна! ... Сағаа миннең ниме киректір? Нименің үчүн соомнаң чысчыл адай чили чөрчезің? Кака. Кирексің син, Анначах! (ХЧ, 218) – А-а-а, Аннушка моя, что ли! ... Анна. Отойди, чёрт! ... Чего

тебе от меня надо? Почему ходишь за мной, как ищейка?
Баба. Нужна ты, Аннушка!

Подростки пытаются обратить на себя внимание де-
вушки по имени Ойна, которая им нравится: *Мағаа
шаргастыг пілдіре түскен: Ойначах піссер харахсын
тәң салынча, ағаа пу наа ла кізі кирек осхас. Аны пірее
тәң сырайы хыйтлади ізир иде ачыг тібіссе! Сынап
тәң пістең улуг арах Кыргора оолах хырлос үннең хыс-
хыртан! – Ойначах, көклөчек, тракторың тырлап пари!
– тәң прайзы хатхырыс сыххабыс. – Ниме тее? – сы-
райы, сәбәлініп, хуурта тарт парған Ойначахтың (МТ,
111). И расстроился: милая Ойна на нас даже не смотрит,
поэтому, ей нужен только этот человек. Если в ее адрес
сказать так, чтобы ее лицо вспыхнуло! И в самом деле
маленький чуть старше нас по имени Кыргора крикнул
громким голосом: – Милая Ойна, куколка, твой трактор
гарадит! – все мы на это засмеялись. – Что? – лицо Ой-
ны вытянулось и побледнело.*

Мало примеров, связанных с употреблением дими-
ниативными женщинами (девушками) по отношению к муж-
чинам (парням). Это вполне объяснимо традиционным
распределением ролей в обществе: мужчина ухаживает
за женщиной, разными способами выражает внимание к
ней, а женщина принимает или не принимает его ухажива-
ния. Приведем пример из художественной литера-
туры: девушки, увидев парня, внимание которого они
хотели бы привлечь, заигрывая, громко призывают его
подойти: *Олар, Сабиске өкерсініп, аны тохтадарға
чакырткан, өңи таткастыг үннең хысхыр халғаннар: – Са-*

бис, тохтадах! Сабизек, турче тохтап ал! Сабизічек, адың тынандырып алда-а-ах! (НД 1987, 197) – Они, любясь Сабисом и желая остановить его, многогласно кричали: – Сабис, стой-ка! Милый Сабис, остановись ненадолго! Милый, милый Сабис, дай возможность отдохнуть твоему коню!

Таким образом, рассмотренный выше блок примеров отражает применение языковых единиц как средств управления поведением человека, попытки воздействия говорящего на сознание слушающего в ситуациях, которые можно объединить под названием «Ухаживание».

2.3.3. «Дружеское общение»

Среди речевых ситуаций, рассматриваемых в данном параграфе, можно выделить две группы: 1) коммуниканты – мужчины, друзья или товарищи; 2) коммуниканты – женщины, подруги или хорошие знакомые. Применение ими диминутивов обусловлено желанием оказать поддержку, выразить участие, показать понимание предмета разговора. Приведем примеры.

Из диалога друзей: – *Ырлабыстах са! Нога көө-саа чох полдың, тайга ханы? Ноо нима сайбады синің чач чүрееңні? Э... харындас, пірее чалахайах көлет кіленібісті полбазын тастаг ник чүрееңде? Кем сегіреңнедібісті чүрееңеңні?* (ХЧ, 120) – Спой же! Почему ты без настроения, хан тайги? Что потревожило твое свирепое сердце? А... брат, не то ли какая-то ласко-

попытки скрылась в твоём твёрдом сердце, подобном
каменю? Кто заставил трепыхаться твое сердечко?

Дружья, влюбленные в разных девушек, разговари-
вают: *Очен. Айран. Табырах! ... Чанар. Парим, парим. ...*
Иди, сагаас, нистег парасханахтарны хайди ла тискінд-
башчылар ну абахайахтар (ХЧ, 124) – Очен. Айран. Бы-
стрий! ... Чанар. Иду, иду. ... Ох, беда, как только эти кра-
сивицы не заставляют бежать бедняжек, подобных нам.

Две женщины пьют чай в ожидании свадебного по-
езда. *Тырлос. Чуреам кой парир. ... Аны учурам суг даа*
чогыл, чогыл... Хомрах. Парасханахсын син,
парасханахсын! (ХЧ, 137-138) – Тырлос. Сердце мое сго-
рело. ... Нет даже воды, чтобы его потушить... Хомрах.
Бедняжечка ты, бедняжечка.

Женщина по имени Керес приехала в гости: *Керес.*
Иттиер. Мині сагыбаазар? А мин сірердеңер сағынчам.
(Аны тудын изеннечсе). Кланы чача, пірее ідізек пиріңер
не пиріңчактарны одырт саларға. Кланы. Поч, ну
Кересі. Ханча сағаа чоохтапчам: ахчаңны ну морча-
тарға куребе (Суглыг банкача ағылча) (АТ, 85) – Керес.
Здравствуйте. Не ждали меня? А я думаю о вас. (Здоро-
ваюсь, пожимая руки). Тетя Кланы, дайте какую-нибудь
поешку поставить эти цветочки. Кланы. Ох, эту Керес.
Сколько тебе говорю: не трать деньги на эти цветы
(Принимает баночку с водой).

Таким образом, употребление диминутивов в ситуа-
ции «Дружеское общение» вызвано желанием говоря-
щего создать благоприятную психологическую обста-
новку.

2.3.4. «Конфликт»

Выделяется группа примеров, в которых употребление диминутивов вызвано желанием говорящего принизить слушающего. Слово «Конфликт», в силу его словарного значения, показалось нам наиболее подходящим для наименования этой группы. Приведем примеры.

Девушка вышла замуж, но мать недовольна выбором дочери. Мать пришла в дом к жениху, чтобы по хакасскому обычаю спросить, будет ли дочь жить с ним. Там она встретила парня Муклая, которого хотела видеть своим зятем, но он не смог покорить сердце ее дочери.

Муклай. Күлепин чача... Күлепин (аны тохтадын). Э, син мындох нооң, «кiзöчеем». Арса, сүргiнчее килгезiң? ... Тiстерiң тоолап парза, хара пазың тас пол парза, нанпилиңде стан тудылбинчатса, хат аларзың (ВШ 1985: 15) – Муклай. Тетя Кюлепин... Кюлепин (остановил его). Э, ты тоже здесь, «зятёк». Или ты пришел забрать (ее)? ... Когда выпадут твои зубы, когда твоя черная голова станет дысой, на твоей пояснице не будут держаться штаны, (тогда) ты женишься.

Ссора мужчины и женщины при свидетелях-женщинах:

Паека. Теерiң матап истелче бе, Крзан. Сагынчазың, чааға парбин халып, чыргаллыг чуртаа чуртирға. Крзан. А син пiлчезiң ме, ноға чааға парбаам? Паека. Пiлчем, прайзы пiлче. Чоохтим? А? Крзан. Син хатычах, тiлiң хысха тут. Паека. Тутпасын. Минi син сым ит полбассың. Тооза чон пiлче, хайдагзың син. Крзан. Хайдагбын? Паека. Оралчых, кöйтiк, арғаас

(III 1985, 22) – Паека. Хорошо ли обрабатывается твоя шкура, Крзан. Думаешь, жить в наслаждении, не пойдя на войну. Крзан. А ты знаешь, почему я не пошел на войну? Паека. Знаю, все знают. Сказать? А? Крзан. Ты, бабник, придержи язык. Паека. Не придержу. Ты не сможешь заставить меня замолчать. Весь народ знает, какой ты. Крзан. Какой я? Паека. Бабник, хитрец, лентяй.

Цель фраз с обращениями-димиутивами – выражение негативных эмоций по отношению к слушающему, включение их в речь продиктовано стремлением унижить коммуниканта, показать его незначительность.

2.3.5. «Уговаривание»

Имеется группа примеров, связанных с уговариванием, убеждением адресата речи, «языковая стратегия (дискурс) состоит в том, чтобы адресат согласился сделать то, на что направлено действие» [Рудник-Карват 1998, 324]. Высказывания имеют побудительную функцию. Приведем примеры.

Муж (Татчы) провинился перед женой (Хорды), и пытается вернуть ее расположение, так как она ест и выпивает, а ему не дает, ему же охота поесть и выпить: Хорды. *Нил сурместіг поэймай ирке хылыхтыг по-сөөгөнч...* Татчы. *Хордычах, магаа чи ирет табырах та ирет, та та?* (ХЧ, 125) – Хорды (поет, нахваливая

себя). Я есть 50 косичек имеющая, ласковая... Тапчы Милая Хорды, скоро ли дойдет до меня стопка, та-та?

Хорунжий обращается к купцу Стереофонычу с целью попросить мяса: – *Сірер, Стереофоныч, кіріңердек атаманзар, анда піске синнең хайзы полза киректер деңер чоохтазарға кирек полча. Э-э, Стереофоныч, паза піске чўс пуд сула алып аларға кирек, паза нинче-де пудычах ит кирек полған, хынза, хабас пирерзер, ии? – Чахсы, господин офицер (ХЧ, 264) – Вы, Стереофоныч, зайдите-ка к атаману, там нам нужно поговорить о некоторых делах. Э-э, Стереофоныч, еще нам надо купить 100 пудов овса, и еще нужно было несколько пудков мяса, может, поможете, а? – Хорошо, господин офицер.*

Бай обращается к родственнику, председателю сельсовета. Говорящий намерен использовать возможности слушающего для того, чтобы поддержать своего непутевого сына: – *Ўғрет, туңмачаам, прай синің оңдайынаң Тоёңны даа кізі аразына кир сал, сағаа ла ізенчем Чалчыларның, хадарчыларның пазына мин позым сығам че пу ўлғу кирегіне паламны ўғрет пир. Ма, ал, пір де аябинчам, – сараан нимезін пирче (НД, 102) – Учи, мои братик, все по-твоему, Тоёна тоже выведи в люди, только на тебя надеюсь. Со слугами, пастухами я сам справлюсь, только обучи мое дитя власти. На, возьми, ничего не жалко, – дает свой сверток.*

Председатель сельсовета обращается к подростку который ему должен денег, с целью его возмещения: – *Нинче хоорадыр? – санапча Пычон. – Пис. Он... отыс... илг. Асхынчах. Соонаң паза анчаны хаптыр пирерзің,*

твоим людям давал один пудишко муки, ты бы отработал? Если бы отработывал, еще один пудишко дал бы, женушка твоя тебе испекла бы, домашний хлеб был бы вкуснее по сравнению с солдатским».

Жена бая обращается к жене своего пастуха: — *Парба, парба, палам, о, хыйға палачаам, сағыстығ хатычах, — оғыранча Домнаа Хапың хаты, — хойны даа ўрет саларлар* (НД, 161) — Не езжай, не езжай, мое дитя, о, мое умное дитятко, умная бабенка, — пришептывает Домне жена Хапына, — овец тоже загубят.

Юноша, нечаянно выстрелив, ранил лошадь бандитов, которая придавила их, сделав беспомощными. Бандиты, которые перед этим хотели напасть на него, вынуждены просить его о помощи: *Оолах позын алып кўстіг полчатханға санапча. Холынаң мыхтызын тайаңнып,.. нискечек унін хатығ арах тудып, өкпелен парған поэзы чоохтанды: — Хайдағдыр амды, адайлар! Хамчының пір пазы мағаа теңзе, паза пірсі поэзыңарға теер теенім сын ма? — оолах, пірде пірсінің хырына киліп, ачитхан. — Оолағым, мин, піди чадып, ўр сыда полбастын. Азаамны ўзе пас парир... — Ылзең өлчет... Синінең хада кем өлер, іпек паазы пір ахчаа төбін поллар... — Ибде, оолғым, минің ўс палам халған. Ипчид ағырығох... Оолғым, палаларымны, ипчімні айа!* (ХЧ, 174) — Мальчик считает себя обладающим богатырской силой. Рассердившись, уперев руки в бока... сделав свой голос строже, сказал: — Каково теперь, собаки? Верно ли то, что я сказал, если один кончик плети попадет по мне то другой — по вам? — мальчик, ходя от одного к дру-

гому, жег словом. — Мальчик мой, я, так лежа, долго не выдержу. Ногу мою придавило, отсохнет (скоро)... — Памирасень, так помирай... Кто умрет с тобой, стоимость хлеба снизится на одну копейку... — Дома, у меня, сын мой, осталось трое детей. Жена моя тоже больна... Сын мой, пожалей мою жену, детей моих.

Представляют интерес диалоги, в которых дети обращаются к взрослым, употребляя диминутивы. Это обусловлено побудительной функцией высказывания: уговорить адресата выполнить или не выполнить какое-то действие. Приведем примеры.

Аттичек хызычахха онча час полған неке. Ол, холларын сырайынаң хыя сабынғли, ам на оңарылған: туңмаңаң ну кіні ат салтыр. — Чарабас, чарабас, ағачааң. Ағачааң, мині, мині атпа (КН 1983, 33) — Маленькой девочке было, наверное, около 10 лет. Она, отмахиваясь руками от его лица, только сейчас поняла: этот человек застрелил ее братишку. — Нельзя, нельзя, дедуля. Дедуля, я молчу, меня не стреляй.

Пір оолағас, апсахтың алнына ойлап парып, алныңа төдір настырчадып, сурча: — Ағаң, ағачааң, пүүн пірсе пірсе ниме чоохтап пирерзің, чөбе? (ХЧ, 47) — Этот мальчик, побегав перед стариком, пятясь перед ним, спрашивает: — Дедушка, дедуля, сегодня нам что-нибудь расскажешь, хорошо?

Отец привез в другую деревню дочь выдать замуж за желаемого: *Піди сағын парыбызып, Аглона хончых аа-аа-аа чипкенін дее пілбин халған. Көліздегі пора ниң, аа-аа-аа-аа иртін, сиден хырында тохтабысхан. — Па-*

бача-аң, іди итпе! Обал худаи, іди итпе! – аахти тўскен Аглона (КН 1983, 29) – Так размышляя, Аглона даже не заметила, как они добрались до соседней деревеньки. Запряженная серая кобыла, пройдя мостик, остановилась возле забора. – Папочка-а, не делай так! Господи, не делай так! – вскричала Аглона.

Включение в речь диминутивов, как показали приведенные выше примеры, может быть обусловлено желанием говорящего склонить слушающего к выполнению или невыполнению того или иного действия. Говорящий может испытывать негативные эмоции по отношению к слушающему, но вынужден скрывать их.

2.3.6. «Преуменьшение опасности»

Диминутив также может использоваться говорящим по отношению к третьему лицу или объекту как средство эвфемизации, «выражая несерьезное отношение говорящих к этим объектам, как будто приуменьшая их опасность» [Долозова 2007, 12].

Приведем примеры: – *Совет ұлғузі көп колчактар даң – тискінген пуурлернің хойығ, ачын өөрінең де туртұхпаан, – пілдірткен Огарков, – пу көп нимес хас хычактарны чох ит салары ұр нимес* (НД, 236) – Советская власть совсем не боялась хищной, большой стаи беглых волков – колчаковцев, – объяснял Огарков, – а уничтожить небольшое количество этих бандитиков – недолго.

Гонимый рассказывает о своем тайном сообщнике-бандите, преуменьшая его плохие дела: *Пычон тик кинетин — Пистің пу аразында Сеерге ідөк ле огырычах мин сабланча. Мин аның улуг нимезін сірердең не жетіс. Аннаңар мин аны сыныхтирға ысхам* (НД, 214) — Пычон стоял на своем. — У нас здесь славится воришка Сеерге. Я только от вас услышал о его больших делах. Но из-за этого я послал его проверить.

Бандиты обнаружили, что девушку, за которой они гонимы, спрятал и защищает мальчик-пастушок: *Хызыл сарыңтары кинетін, тос чіли, хуурта тартханнар, хараңтары чабал ханның салнаң тартыл парған осхас пол кырганнар. Ортылап парғаны, прай позы тітірезін, ыргыттыр, чоохтаныбысхан: — Мындазың ма, адай!... Кінчск атсааңның чабал дробовигычаа сині арачылар* (ХЧ, 176) — Их красные лица вдруг побелели, как перестя, глаза их как будто покрылись дурной кровавой пылью. (Человек) среднего возраста, весь трясаясь, оскакал, сказал: — Ты здесь, собака!.. Тебя не спасет плохой дробовичок твоего малюсенького мужа. Заряженное ружье в руках хорошо владеющего им человека, как известно, может представлять опасность.

К этой же группе можно отнести и пример преступления последствий неправильного поступка — бай Хорало по ошибке скарамчил¹ не ту женщину: *Хорхло. И-а, Хорды аарластим, ачыргастың аалчазах сых парды. Че мин чаксы чүрееңе салдырың, ізенчем — пыром-*

¹ Караванение, как известно, было одним из этапов свадебного обряда казакон и требовало серьезной подготовки.

ны тастибас, минің сурызымны толдырарыңа (ХЧ. 144) – Хорхло. Да-да, дорогая моя Хорды, вышла досадная ошибочка... Но я, надеясь на твое доброе сердце, надеюсь – простив мою вину, исполнишь мою просьбу.

Диминутивы в хакасском языке могут использоваться и как средство выражения несерьезного отношения к объекту, что иллюстрируют примеры.

2.3.7. «Речь, обращенная к себе»

Собранный нами материал позволяет выделить речевые ситуации, в которых говорящий мысленно или словесно обращается к себе, при помощи диминутивов выражаются различные эмоции: жалость к себе, радость, нежность. Возможно также мысленное построение диалога с воображаемым собеседником. Мы объединили эти примеры в одну группу, поскольку в рассматриваемых коммуникативных ситуациях реальный собеседник отсутствует.

Влюбленный парень по имени Чанар, спев песню, обращается к себе: *Маңат ырычах. Чуректі чымчи хапача. Чуреем ноға-да уғаа нымзаачы пол парды...* (ХЧ. 120) – Хорошая песенка. Заставляет смягчиться сердце. Почему-то сердце мое стало жалостливым.

Пришел мужчина Тапчы в юрту, разговаривает сам с собой, обнаружив бутылки с водкой за иконой, радуется этому: *Тапчы. Халах, хайдағ ырызах, хабах чыстын мойынах...* *Алғанчам сірерні, хұдайахтар...* та-та.. (ХЧ.

144) – О, боже, какое счастьеце, шейка (т.е., бутылка) с опашком водки... Благодарю вас, боженьки... та-та.

Этот же мужчина слышал крики своей сварливой жены: *Хорды. Тапчы, хайда тунчазың? Тапчы* (хыйа). *Че, патычаам хурирга чөр, та-та* (ХЧ, 111) – Тапчы, где ты пропадасшь? Тапчы (в сторону). Ну, головушка моя поохнет вот, та-та.

Парень Кёстигес завидует Ягору, так как он председатель сельсовета, и в него влюблена девушка Аглона, принадлежащая Кёстигесу. Догадавшись, что Аглону скучно, он злорадствует и мысленно обращается к Ягору: *Толага хатының харахтары чулаңназа түскөйүн* *сигинбөк, сағын парчатхан: «Тиктең амыр чочы-* *та шүрбинча Толага чурты... Арса, мында, хан хаты* *шүрбинча чили, одырча Аглоначан. Тиктең арага чыс-* *тыр тор пурли түспөдү Толаганың түнүгінең. Саңай даа!* *Мин көрбөем, мин пилбинчем. Пилзем дее, чоохтабасын* *сигең, хан-ниг пол чөрчеткен Ягорах. Минде чоғыл, син-* *де дее чох полар. Ха-ха-ха...» – хатхырған ол істінде* (Пирбашиев 1983, 53) – Увидев, что глаза жены Толаги направлены в сторону, он думал: «Неспроста жилище Толаги так пыльно в напряженном покое... Может, здесь, как у меня ханна в остроге, сидит твоя Аглонушка. Неспроста из дымового отверстия (жилища) Толаги повеяло паром и запахом молочной водки. Ну и пусть! Я не видел, я не знаю. Даже если и знаю, не скажу тебе, никчемный Ягор, являющийся ханом-князем. У меня нет (ее), у тебя тоже не будет. Ха-ха-ха...» – смеялся он про себя.

Мужчина мысленно обращается к своей старшей сестре: *«Хайдаг чархастыг төрпін парған кизізің, чачачағым, тичечегім, – сағын чатхан. – Чүреемні хо- дырып, анда нинче улуг палығлар пар, прай сананчазың: мына – пабабыстың ээн туразы, мына – синің палаң... поларчых»* (МТ 1984, 138) – «Какой же назойливой ты уродилась, моя милая старшая сестра, – думал он. – Ты считаешь все большие раны, которые есть в моем сердце: вот – заброшенный дом нашего отца, вот – твой ребенок... был бы».

2.3.8. «Животные»

Т.Г. Винокур выявила такую форму самокоммуни-кации, как общение человека с животным, которая ис-ключает расчет на реакцию партнера, вследствие чего «человек реализует самого себя честно» – как он есть, а не каким желает казаться [Мехоношин 2001, 25].

Диминутивы могут передавать и жалость, и неж-ность, и злость говорящего по отношению к животному.

Автор обращается к своей собаке. *Син, тіл чох пара- сханах, пілбессің аны, охсанарға маңзыраба даа, мин зө кизібің – Чир-чаянның ханы, синің арыг тының пу хо- лымда* (АТ31, 22) – Ты, безъязыкая бедняжка, не будешь знать это, даже не торопись меня целовать, я же чело- век – царь Природы, твоя святая жизнь в моих руках.

Мальчик разговаривает с жеребенком, к которому испытывает жалость: *«Нимее кістенчезің, хулунaх?*

түрдеген агаа оолах, – алай, минӧк чӧли, ӧкӧс халдың ма? Арча, іңең чаагох парыбысхан?» (НТ 1977, 114) – «Почему ржешь, жеребеночек? – ответил ему мальчик, – эли, как и я, ты остался сиротой? Или твоя мать тоже ушла на войну?».

Хозяин обращается к своей лошади: *Сабдар бедняшам, амды піс кир пардыбыс, ікі парасхан. Хайдар артың күзібіс, чүгүриибіс хайда халған* (АТ31, 22) – Нерасный конек мой, вот мы состарились, двое бедняшек. Куда делась наша лучшая сила, где остался наш бег.

Кукушка обнаружила затаившегося человека и начала куковать, а тот злится, что она выдает его присутствием: «...*Үгү тырғактарына кірерзің син, кӧӧгічек*». – *Түшінде сағын салча Пычон, тайнанчаан на тайнанча* (НД 1987, 115) – «...в когти совы попадешь ты, кукушка», – про себя думает Пычон, продолжая жевать.

Обращение к волчонку: – Э, толказы чох *палачах*, *кӧгі кӧрбесен поларзың чи, – хатхырча Сагдай* (НД 1987, 116) – Э, бестолковый детеныш, ты, видимо, не видел лютого, – смеется Сагдай.

Охотнику стало жалко косулю, попавшую в яму: – *Пәк, хайдаг аарзың, кизгечек, – позы алынча чоохтанган асах* (МТ 1984, 94) – Ох, какая ты тяжелая, милая косуля, – говорит про себя старик.

Таким образом, путем анализа групп диалогов, в которых употребляются диминутивы, можно сделать следующие выводы: диминутивы широко используются в диалогах говорящим как средство воздействия на поведение слушающего, также выражают широкую гамму

эмоций и чувств и часто используются говорящими по отношению к младшим собеседникам.

2.4. Переносное употребление диминутивов

В хакасских текстах встречаются диминутивы-тропы, образованные в результате метафорического переноса наименования. Слово, называющее один предмет (явление, процесс, свойство), используется в конкретной речевой ситуации для обозначения другого предмета (явления и т.д.), связанного с первым той или иной формой содержательного отношения [РЯЭ, 355]. Метафора, будучи ресурсом образной речи, является источником новых значений слова, которые наряду с характеризующей способны выполнять номинативную функцию [Арутюнова 2001, 296].

Под сравнением принято понимать стилистический прием, при котором происходит образная трансформация грамматически оформленного сопоставления. Это такой способ характеристики предметов, явлений, событий, при котором актуальный для говорящего признак поясняется через аналогии с другими «эталонными» предметами, лицами, явлениями, событиями [РЯЭ, 327]. Этим достигается большая конкретность, наглядность, яркость изображения и выражается отношение автора к описываемому объекту. Языковые средства выражения сравнений многообразны: это конструкции со сравнительными оборотами и придаточ-

ными предложениями, присоединяемые различными способами; с компаративными связками; творительный падеж существительного; группы самостоятельных предложений, связанных отношениями сопоставления.

В любом языке есть определенный инвентарь образных сравнений: чаще других в этой функции используются названия животных, растений, конкретных предметов, которые воспринимаются носителями языка как знакомые, привычные, в большей или меньшей степени воспроизводимые, повторяющиеся. Эта совокупность устойчивых образов сравнений рассматривается современными учеными как своеобразное ассоциативное поле, сложившееся в языке в течение длительного развития его системы и продолжающее развиваться. В семантике сравнения отражается специфическое национальное видение мира [Маслова 2001, 145-146].

Имеющийся на сегодняшний день в картотеке материалов позволяет нам выделить несколько групп сравнительных оборотов с диминутивами. В хакасском языке частотны примеры, когда взрослый человек сравнивается с ребенком. Люди могут также сравниваться с одомашненными и дикими представителями животного мира (мелкими или невзрослыми животными), а также с насекомыми. Особое место занимают сравнения с певчими птицами (человек как птичка, гусенок, соловей, диничка, цыпленок, курочка, кукушонок)¹. Перечис-

¹ То, что образ птицы занимает определенное место в традиционном мировоззрении хакасов, подтверждают как этнографические, так и лингвистические языковые материалы, например, устойчивые сравнения

лим другие образы, используемые в сравнениях: натурфакты (объекты окружающей действительности: солнышко, звездочка, кочка, ледышка, песчинка, капля), религиозные (боженька, чертенок), биофакты (поросль, цветочек, червячок, паутинка, яловая кобылка, мышка), артефакты, в том числе и продукты (куколка, колокольчик, бусинка, ниточка, стеклышко, булочка, сметанка, сырок), ненужные вещи (щепка, вещичка). В сравнительных оборотах используются послелогои *чили*, *осхас* со схожей семантикой 'подобный' и *тöйй* 'похожий'.

Объем работы не позволяет рассмотреть все группы, по этой причине опишем употребление диминутивов в сравнениях, построенных по модели «взрослый как ребенок» и «человек как животное». Обратимся к конкретным примерам.

2.4.1. Сравнения взрослого человека с незрелым

Сравнение такого рода производится для того, чтобы показать, что сравниваемое лицо в чем-то не соответствует стандартным представлениям о взрослом, самостоятельном члене общества.

с компонентом *хусхацах* 'птичка', часто встречающаяся метафора «человек → птица» (например, *Чанар. Тапчы апсах! Хызыңны кире-енче хойныңда одыртарга сагынгазың ма? Ханадахтары өзін, тиліп парганда, хонииның уйазына учугыбысхан* (ХЧ, 166) – Чанар. Старик Тапчы! Ты хотел держать на коленях свою дочь до ее старости? Крылышки ее подросли, окрепли, улетела она к гнезду своей жизни).

Сравнения с компонентом *олганах*

Слово *олганах* раскладывается синхронно на 2 элемента: *олган*+*ах*. *Олган* в «Хакаско-русском словаре» дается следующим образом: «*олган* ребёнок, дитя//детский; *хыс олган* девочка; *ир олган* мальчик». Это слово, как считает Л.А. Покровская, восходит к термину *огул* + *=ан* – древний аффикс множественного числа: «То обстоятельство, что слово *оглан* могло обозначать не только ‘сын’, но и ‘дети’, ‘сыновья’, позволяет рассматривать формант *=ан* в этом слове как архаический показатель мн.числа» [1961, 16]. Путем анализа семантики рассматриваемого слова она пришла к выводу, что корень *огл* «первоначально мог обозначать ‘дитя’, ‘потомок’ в самом широком значении этого понятия, т.е. не только по отношению к человеку, но и к животным, и вообще ко всему живому. В дальнейшем значение этого корня постепенно суживалось, конкретизировалось, и в настоящее время он в своем полном фонетическом варианте *огул* или в стяженной форме *оол*||*уул* во всех тюркских языках обозначает ‘мальчик’, ‘попона’, а как термин родства – ‘сын’» [Покровская 1961, 16].

Ситуация 1. С ребенком сравнивается самодурствующий председатель колхоза, которого неожиданно сместили с очень важного для него поста. От горечи он написал: *Хачан-да ир күлүгі чили чөрген Топас нуун нога-да позына сыданмас кічіг олганах ла осхас чазыг кізі иде чоринген. Ол, чазаглыг төрдегі турадаң ізіктегізінзер ойлан киһіп, холларын Опанның иңніне арти салып,*

изірік ылғап турған (НТ 1982, 139) – Топас, когда-то ходивший молодцом, сегодня почему-то выглядел как слабый человек, похожий на маленького ребенка, не способного обслуживать себя. Он, подбежав к двери из нарядной комнаты, положил руки на плечи Опана и плакал пьяными слезами.

Ситуация 2. Женщина-председатель колхоза первой объясняется в любви мужчине: *Позын поғдархи тудын чөрçeң Маниса, пір дее колхоз кнезі полчатхан кізее тәйі нимес пол парып, полызығ ла кирексіңең олғанах осхас көрінген. Опан, поэ даа хайди поларын пілінмин, тыып ла парып, табыс-тубус чох одырған, Манисаны удур охсанарға ол тидінмеен... – Чох, чох, Маниса Апсаловна, хомай ниме пол парар... – чадап чоохтанып алған ол. – Миннең ме? – Маниса харахтарын тазыралта көрібіскен. Амды ол полызығ кирексіңең олғанахха тәйі полбаан. А хайдағ-да ныхахтағы хатығ сындырлы алып ипчі осхас көрінген* (НТ 1982, 172) – Державшаяся обычно свысока Маниса стала совсем не похожей на председателя сельсовета, она выглядела как ребенок, нуждающийся в помощи. Опан, не зная, как быть, застыл и сидел молча, поцеловать в ответ Манису он не решился... – Нет, нет, Маниса Апсаловна, случится плохое... – кое-как вымолвил он. – Из-за меня что-ли? – Маниса посмотрела широко распахнутыми глазами. Теперь она не была похожа на маленького ребенка. А выглядела, как богатырша крутого нрава из какой-то сказки.

Ситуация 3. Пожилая семейная пара обычно живет дружно, без ссор. Когда же супруги выпивают, начинают играть на публику (зритель – арендатор): ссорятся, муж начинает притворяться очень злым, жена ему подыгрывает, притворно боясь. *Хақан Камат поза пағ хаап алза, Ызираның табызы пу чир сыхпинча. Пазын чаба тудынан, алдан сығадыр: – Сохна, апсах, сохна! Тойлығбын мин, тойлығ чөрчем. Хызапыйа Софроновна істі тартқанча хатхыр салча олғанах осхас улуғларға. Анаң Каматты часхар сығадыр* (КН 1983, 92) – Когда Камат закатывает вожжи, голос Ызиры пропадает. Закрыв голову руками, она начинает умолять: – Не бей старик, не бей! Беременная я, беременная. Хызапыйа Софроновна смеется до упаду над стариками, (ведущими себя) как де-
тишки. Потом начинает успокаивать Камата.

Ситуация 4. Мужчина Ягор присутствует при чужом разговоре: *Хайдағ-да хыхсачах тусха Ягор олар илгерінің чоохтазиинда позын мында кирек чох, артых мине алай кічицек олғанахха тиңни сағына халған. Таң Кабрус аны нмее салбинчатханының сылтаа полған ол* (КН 1983, 144) – За какое-то короткое время Ягор выяснил для себя из разговора этих двоих, что он здесь не нужен, подобно лишнему человеку или маленькому ребенку. Или причина была в том, что Кабрус его ни во что не ставил.

Ситуация 5. Влюбленный парень получил ответ от возлюбленной: *Өңең... Че ана мин поэма өөре-хыс таан алдым. Ағаа прай чүреемнең көөлігбін. Ол даа минзер анданых көөллiг, мин пiлчем. Мин өрiнчем, иң не пас-*

тағызын ситце көгенек кискен олғанах ла чіли (ХЧ, 148) Оджен... Ну вот я себе нашел подругу. Я люблю ее всем сердцем. Она тоже меня любит, я знаю. Я радуюсь, подобно ребенку, впервые надевшему ситцевую рубашку.

Сравнения с компонентом *палацах*

Слово *пала* распространено в северо-западных и северо-восточных тюркских языках. В современном хакасском языке оно имеет 2 значения: 1) 'дитя, ребёнок; младенец; малыш', 2) 'детёныш (зверя, птицы, некоторых животных)'. В древних тюркских языках слово BALA имело значение 'детеныш (животного), птенец'. Как отмечает Э.В. Севортян, «ба:ла ~ бала и т.д. — общеславянское название для детенышей животных и птиц, для ребенка. Значение детеныша отмечено значительно ранее ребенка, но не ранее словаря М. Кашгарского... Таким образом, ба:ла ~ бала первоначально, кажется, не имело в своем семантическом составе значения 'ребенок', которое при таком предположении можно было бы рассматривать как результат метафорического переноса 'детеныш' → 'ребенок'» [1978, 48].

Следует сказать, что сравнения, содержащие компоненты *кічицек пала* 'маленькое дитя', синонимичны сравнениям с компонентом *палацах*. Приведем примеры: 1. Описание старшекласницы – *Вера – узун азахтығ, ник пүдістіг хыс, че чітіг сағыс кирексіпчеткен туста, кічицек пала чіли, конфет сығар килче* (ВТ 1991, 109) –

Иери – длинная, крепкая девушка, но в то время, когда ей требуется ясный ум (букв. острая мысль), она, как маленькое дитя, вытаскивает конфету. 2. Описание спящего мужчины – *Түрий, кічишек пала чіли, тўргеліп, тик тулчатхан* (КН 1983, 147) – Тюрій крепко спал, свернувшись калачиком, как маленький ребенок.

Ситуация 1. Женщина опьянела, ее уводит спать сын – *Іча-аң! – Орапис іңезін, палацах чіли хучахтап, ууларының пөлиинзер кире халған* (МТ 1984, 131) – Ма-ам! – Орапис обнял свою мать, как ребенка, увел в родительскую спальню.

Ситуация 2. Образованные мужчины, организаторы первого съезда хакасского народа, спорят. Одному из них, Агбаю, достается в этом споре: *Ағбай, ну кізінің хурут ла сырбалқығына сыдап полбин, чазарта тарттарған чіли пілдірген. Че ол тудынған, тыстанған, көп ниме аннаң, аның хынғанынаң осхас. Онсар даа Ағбайға полыс пирері килген. Кічіг палацахты, атты тискер көл тариганын көр салып, хырысчатханға төй* (МТ 1981, 19) – Агбай казался совершенно бледным, (так как) не мог сдержать напора этого человека. Но он сдерживался, старался, похоже, многое зависит от него, его желания. Даже Онсару хотелось помочь Агбаю. Казалось, что ругают маленького ребенка, которого застали за тем, что он неправильно запрягает лошадь.

Ситуация 3. Женщина догнала своего возлюбленного: – *Онсар! – Абдаке учазына, палацах чіли, чарбанган – мин сағаа чидіп алдым* (МТ 1981, 111) – Онсар! – Абдаке повисла на его плече, как ребенок – я тебя догнала.

Ситуация 4. Говорится о талантливом молодом человеке, лидере, за которым следовали его ровесники: *Прай нимені пастаан Александр Топанов. 19 чазын на апар-чатхан, піснең чазыт, хайзыбыстаң кічіг дее, пілізінең, хыйгазынаң, че уламох майығыс пілбес сіренізінең пісті көдірчең. Паарсах іцені ибіре чүгүредірген оох палацахтар чіли, піс Сашаны ибірчеңміс, пілбеенін піліп, испеенін истіп* (АТЗІ 60) – Все начал Александр Топанов. Ему шел всего 19 год, наш ровесник, даже младше некоторых из нас, (но он) воодушевлял нас своими знаниями, умом, но более всего упорством, не знающим усталости. Как маленькие дети, бегающие вокруг ласковой матери, мы окружали Сашу, узнавая то, что мы не знали, слушая то, что не слышали.

Интересно сравнить два случая употребления слова *палацах*: 1) как средство сравнения (см. вышеприведенные примеры) и 2) как средство номинации в обращениях. По второму случаю можно сказать следующее: если слово *палацах* сочетается с аффиксом принадлежности первого лица, то есть говорящий определяет адресата речи как «принадлежащего» ему, то тогда это слово выражает нежность и ласку. Приведем пример. Пьющий муж, испытывая раскаяние, обращается к жене. *Сарис ылгабысхан: – Эх, хайран Макрейім, хайран кічіг палачаам... Хырыс мині, нога хырыстинчазың? Мині, алығны...* (НТ 1982, 182) – Сарис заплакал: – Эх, бедная моя Макрей, бедное мое маленькое дитяtko... Ругай меня, почему не ругаешь? Меня, дурака... Если же слово *палацах* используется без аффикса принадлежности, то тогда оно в большинстве случаев необходимо как сред-

ство показать пренебрежение, неуважение к адресату речи. Пример: на хуторе работают старший чабан и младший чабан. Вор (со стороны) договорился со старшим чабаном, что он закроет глаза на кражу нескольких овец. Младший чабан застал воров за делом и выгнал их. Те жалуются старшему чабану на младшего. Старший произносит следующее: – *Тьфу, палацах. Киче ле килип алып, ээленерге итче бе?! Мин аны нандырыбызарбын, андаг активтер кирек чох магаа* (АТ23, 107) – Тьфу, ребсночек. Только вчера придя, уже хочет стать хозяином?! Я его отправлю домой, такие активисты мне не пужны.

Таким образом, взрослый человек в хакасской языковой картине мира сравнивается с незрелым. Сравнимый уподобляется ребенку в отдельных чертах характера, поведения, социального статуса или по другим характеристикам личности. Подчеркиваются не характерные для взрослого человека несамостоятельность, беспомощность, наивность, игривость, несдержанность в эмоциональном проявлении чувств. Не отмечены примеры характеристики внешности, физических качеств, физических действий, умственных способностей, речевой деятельности, умения, способности.

2.4.2. Сравнения человека с небольшим животным

Слова с диминутивными аффиксами, называющие животных и птиц, могут использоваться для метафорического обозначения человека. Зоосравнения отражают

многовековые наблюдения человека над повадками животных, передают отношение людей к ним, являясь культурно-информационным фондом в каждом языке. В этнокультуре разных народов сравнения, включающие названия животных, – это в первую очередь высказывания о человеке, его духовных и социальных чертах, внешнем облике, внутреннем состоянии или поведении [Науменко 2007, 142]. Приведем в качестве примера образ собаки. Он в традиционной культуре хакасского народа неоднозначен. С одной стороны, это помощник в охоте, защитник домашнего скота, с другой – языковые материалы показывают противопоставленность собаки человеку. Приведем словарные материалы: *адай аҕазы* ‘бузина (несъедобная)’ (собака+дерево=ее), *адай мискезі* ‘поганка’ (собака+гриб=ее), *адай палых* ‘широколобка (чёртомаз)’ (собака+рыба), *адай тігенегі (іңезі)* ‘ковыль’ (собака+колючка=ее), *адай ызырҕазы* ‘жимолость’ (собака+сережка=ее). Как мы видим, наименование собаки включено в состав сложных ботанических терминов и фразеологизмов. Термины обозначают несъедобные или горькие ягоды, либо непригодный в пищу гриб, колючее растение. Во фразеологизмах *адай сырай* ‘страшный’ (букв.: ‘собачье лицо’), *адай табан* ‘собачье отродье’ (букв.: ‘собачья подошва’), *адай чарымы* ‘подлец’ (букв.: ‘собака половина=ее’), *адай чүрек* ‘злой, жестокий’ (букв.: ‘собачье сердце’) мы видим, что образ собаки имеет ярко выраженную негативную оценку: если человек очень некрасив, то его

лицо сравнивается с собачьей мордой, если он подлый, то половина его – собачья.

Часто человека сравнивают с маленькой собакой (*адайах*). Примеры: *Мына ус ачын хасхы, пір пага палгат салып, тайганың тастығ, чадыхтығ сарсых алах чолынча аалзар мөңіс пастырганнар. Патеектің не итчізі пос. Ирінің хыринча ізестіг ле адайағы чіли чорға-чан* (АТ27, 115) – Вот трое хищных бандитов, будучи привязанными одной веревкой, грустно брели по каменистой таежной тропе, усыпанной валежником. Только жена Патеека не привязана. Она семенила рядом со своим мужем, словно его надежная собачка. *Чалғыс ла тилбесчі, адайах чіли, орыс ээзінің ахсынзар чікелеп одырыбысхан* (ХТ1, 47) – Только один переводчик смотрел в упор в рот своему русскому хозяину, как собачка.

В приведенных примерах подчеркивается преданность одного человека другому, связанная с отношениями социальной зависимости (жена по отношению к мужу, переводчик по отношению к своему работодателю).

Следует отметить, что возможно сравнение коня с собачкой: *Пу хара ат уғаа чамас мал полтыр. Аны палғирга даа кирек чоғыл, ээзінің соонча, адайах ла чіли хооп чөрче* (АТ29, 50) – Эта черная лошадь, оказывается, очень спокойная. Ее не нужно даже привязывать, она, как собачка, ходит по пятам за своим хозяином.

Человек может сравниваться с незрелым быком. Обычно сравниваемые лица – мальчики, которые уподобляются бычку по признаку драчливости. Примеры: *Че, күрезіңер, – тіпче ирен. Пу ікөлең пазох ла,*

пуғачахтар чіли хазыр көрібізін, чаба хуҗахха кірібістілер (АТ40, 22)

– Ну, боритесь, – говорит мужчина. Эти двое, взглянув друг на друга зло, как бычки, снова схватились. *Ойнаан чирлерінде пу ла тозын кўрел нарир. Пуғачахтар ла осхас. Сырайлары пу көрчее чоғыл* (АТ40, 22) – На том месте, где они играли, пыль столбом. [Они] как бычки. На их лица невозможно смотреть.

Человек может сравниваться с теленком. Раненый, вернувшись домой на лечение, рассказывает: *Хазиим чахсы полган полза, чаа тоозылбаанда, килбесчїкїн. Сағам имненчем. Ибіре арығлар, кии маңат. Сўт, хаях пар. Имнер аллағлап алғам. Турче полза, час ыызочах чїли, тоғлап ойлап чўрербїн* (АТ26, 100) – Если бы мое здоровье было бы хорошим, я не вернулся бы домой до окончания войны. Теперь лечусь. Вокруг леса, воздух хороший. Есть молоко, масло. Лекарства я взял. Через некоторое время буду носиться, брыкаясь, как маленький теленочек. В данном случае сравнением подчеркивается будущее здоровье мужчины.

В сравнительных конструкциях используется также слово *хоосхацах* ‘кошечка’: *Улуғ пичелдегі Марина амды Макрейнің алнында өреме чїп салған хоосхацах ла чїли, мўңис тудылған* (НТ 1982, 179) – Марина, находящаяся в глубокой печали, теперь держалась перед Макрей печально [виновато], словно кошечка, съевшая сливки.

Человек может сравниваться с ягненком (*хурағанах*). Пример: – *Тынча, Федя, – аахти тўскен ипчї. – Ахсын ас... суғ, суғ... Ах тістерінің аразынча, хазарта хуруп*

парган тилзер бутылкадагы суучах хооли халған. Оол, наа ла төрөөн хурағанах чили, сала маарап салған (НД 1987, 14) – Дышит, Федя, – вскрикнула женщина. – Открывай ему рот... воды, воды... Водичка из бутылки заструилась меж его белых зубов, в направлении к высокошему добела языку. Парень что-то проблеял, как новорожденный ягненок. Сравнение уподобляет человека новорожденному ягненку по физической слабости.

Человек, как показывают материалы хакасского языка, часто сравнивается с птицей: [хыс] часхы ағылған хусхачах осхас (АТ26, 66) – [девушка] как птичка, принесшая весну. – Йу, хайдаг тадылыг ниме! – пазох чохтанған Пайса, хусхачах чили, пычырах уннең (МТ 1984, 25) – Ой, какое сладкое! – опять сказал Пайса звонким, как птичка, голосом.

В сравнениях фигурируют названия таких птиц, как гусь, сова, жаворонок, воробей, ворона и т.д.

Сырайы пір самнахча, тилі пір тудымча, пасхан паныды пістің ахсах хазычахти осхас чайхаңнös (ВШ 1985, 10) – Лицо его с ложку, спина его в обхват пальцев, походка качающаяся, как у нашего хромого гусенка.

Най ла ирiстiг. Ағас пазындағы тасхачах чили сімер нарып одырып одыр. Алаах парарзың (АТ40, 68) – Очень скучно [в институте]. Сиди, как совушка на вершине дерева. С ума сойдешь.

С птицей может сравниваться и орган человека: Саримаға сағам на көрген хулааданың ачын харахтары паза игір чабал айғахтары сағысха кіре түскен. Хортых чүрегеzi от аразында чазынчатхан хусхачах чили

тырбаңни тўскен (МТ 1984, 121) – Сарима вспомнила страшные кривые когти и хищные глаза ястреба, которого она только что видела. Ее боязливое сердечко вздрогнуло, как птичка, прячущаяся среди травы.

Диминутивы-зооморфизмы

Следующая группа слов – это диминутивы-зооморфизмы. Так, активно используется слово *кўчўгес* ‘щенок’. Примеры: *Ягорға өкпеленізі улам на ўліп одырған аның ачырғанчых істінде. Сала аттырт салбаан ноза кўчўгеске* (КН 1983, 71) – В его расстроенной душе все нарастала злость на Ягора. Ведь щенок чуть его не подстрелил. *Пычон улуг ачыгда сыххан. «Пу кўчўгестерні чітіг китир кирек. Чуртха кіріп, өреме дее халбап парыбызарлар. Сабизі андарох сыынча»* (НД 1987, 179) – Пычон вышел очень злой. «За этими щенками нужен глаз да глаз. Забравшись в дом, могут и сливки слизать»; – *Мағат орыс ипчічек, мағат, – час паланы кўліндірген чіли, ирнілерін сорибызып, хызыцахсар мунзурух тудып, сых парыбысхан. Ипчінің істінде уғаа чабал пілдір парған. Пу ам даа сарығ аастығ, ічезінің сүді тараалах таа кўчўгес ікінчізін піди полғанына ачии уғаа тың тут килген* (НД 1987, 40) – Хорошая русская женщина, хорошая, – почмокав губами, как будто развлекаая ребенка, вышел, показав кулак девочке. Женщине стало очень плохо. Ей стало не по себе от того, что этот еще желторотый щенок, у которого молоко на губах не обсохло, так поступает уже во второй раз. Слово *кўчўгес* ‘ще-

нок' используется говорящим или мыслящим старшего возраста косвенно, выражает негативные эмоции по отношению к объекту речи или мысли.

В картотеке зафиксированы слова *аңыцах* 'зверушка', *түлгүчек* 'лисичка', *хоосхачах* 'кошечка'. Приведем примеры: *Асап (ниме салбин). Че-е, Маниттиң кыйтигези парох па. Мин аны амыр аңыцах итчем* (ВШ 1985, 11) – Асап (ни во что не ставя). Ну-у, у Манит раз-ве есть хитрость (букв. маленькая хитрость). Я считаю, что она мирная зверушка. *Көстигес наа оңдай таап алды. Пабамнаң ынаглазачых полып, амды пісте ле хайынча. Іңеме, пабама чой түлгүчек полча. Олар, агаа киртініп, ідөк паарсапчалар* (КН 1983, 151) – Костигес нашел новый способ. Притворяясь, что дружит с моим отцом, теперь хозяйничает все время у нас. Перед папой, мамой ведет себя, как хитрая лисичка (букв. папе, маме есть хитрая лисичка). Они, веря ему, также относятся [к нему] хорошо. *Керес. Я, минің тоғызым кізілерні чочытча. Петяа, минің апсаама, мин ээ-чурты чох чир ибіре күлеттеп чөрчеткен хоосхачах полгам. Аннаңар ол миннең парыбысхан* (АТ40, 55) – Керес. Да, моя работа пугает людей. Для Пети, моего мужа, я была бездомной кошечкой, гуляющей по земле (букв.: вокруг земли). Данные слова используются для характеристики таких качеств человека, как бесхитростность (*зверушка*), хитрость (*лисичка*), тяга к вольности (*кошечка*).

Часто в функции характеристики лица используются наименования птиц (*хузыцах* 'птичка', *көögічек* 'кукушечка', *таңағас* 'курочка' и т.п.): *Иван Петрович. Одыр*

пеер, Керес. Чоохта, хайди чуртапчазың. Керес. Керес пос пойли хузычах. Учух чөрче чир ибіре (АТ40, 50) – Иван Петрович. Садись сюда, Керес. Рассказывай, как живешь. Керес. Керес вольная птичка. Летает вокруг земли. *Чарых пулунда оолнаң хыс, тик хучахтас салып, изіргенче охсанысханнар. Хыстар, чочаан хусхацахтар, теедег, сым-туюххан пічірезіп, клубсар нандыра кире хонганнар* (ХТ1, 4) – В освещенном углу, крепко обнявшись, целовались допьяна парень с девушкой. Девушки, испугавшиеся птички, тихонько поцелуем, заскочили обратно в клуб. Катрис. Чобалба, *тичек. Килер ол. Син іче нооң за. (Хатхырча.) Пот мин көөгічектін. Ку-ку, ку-ку. Кемні хығырчам, поэым даа пілбинчем* (АТ31, 39) – Катрис. Не печалься, милая сестра. Придет он. Ведь ты мать. (Смеется.) Вот я кукушечка. Ку-ку, ку-ку. Кого зову, сама не знаю.

Обращения-зооморфизмы

На материале текстов художественной литературы были выделены обращения с диминутивным аффиксом.

В качестве средства выражения речевой агрессии часто используется слово *күчүгес* ‘щенок’: Чанар. *Чахсы нимес іди, Хызаң апсах... Пирчееңні табырах пир сал, ипчіңні таңдох теер истирге ыза пир, холы ағырғаны ниме нимес. Хоох апсахха ұр нимес үредін салары. Хап артынып, синзерөк тіленіп чөрібізер... Хоох. Пфок! Күчүгес!.. Мин сині...* (ХЧ, 108) – Чанар. Нехорошо так, старик Хызан... Быстро отдай долг, завтра же отправь свою жену обрабатывать шкуры, что с того, что у нее

рука болит. Старику Хооху недолго так и уйти в убытки. Так и придет к тебе же просить (милостыню) с мешком на спине... Хоох. Фу! Щенок!.. Я тебя... – Ноо күчү-дестер? – таңнап парған атаман. – Васька! – позын даа ундубызып, пабазы оолгынзар, хартыға хус чили, атых-хан (ХЧ, 276) – Чьи щенки? – удивился атаман. – Васька! – забывшись, отец кинулся к сыну, как коршун.

Использование зооморфизма хоосхачах ‘кошечка’ даст возможность говорящему выразить пренебрежение к адресату речи: – Тілге пыспа, толдыр! – тапсабысхан оолах. – Сағаа ниме киректір, хоосхачах? Мойнымны даа киссеңер, толдырбасын! (ХЧ, 177) – Не болтай, исполняй! – проговорил мальчик. – Что тебе нужно, кошечка? Если даже будете рубить голову (букв. резать мне шею), не буду исполнять!

Зооморфизмы пызоцах ‘теленочек’, чипацах ‘цыпочка’, көögічек ‘кукушечка’, таңағас ‘курочка’, адресованные взрослым коммуникантам, выражают презрительное отношение: Муклай. Наа хончатханнарны алғыстабызарға кирек. Паека. Пызоцах! Синің орныңда насхазы мунзурух көзідерчік (ВШ 1985, 11) – Муклай. Нужно поздравить новобрачных. Паека. Теленочек! На твоём месте другой показал бы кулак. Говорящий оценивает адресата как безобидного человека.

Матильда. Ай, чипацахтар, ай, көögічектер, көріңер оларны, хайди көөленісчелер. (Кинетін Тайканы позынзар айландыра тартып.) Син, чипацах, пілчезің ме? (АТ40, 80) – Матильда. Ай, цыплятки, ай, кукушечки.

посмотрите на них, как они любят друг друга. (Вдруг резко повернув к себе Тайку). Ты, цыпленок, знаешь ли?

2-чі оол. Оларны (пайларны) көрземөк, мунзурухта-рым хатыра тудылча. Мин парим, сірер хайди хынзар, іди ... (Парарға хынча. Хызаң аны тохтатча). Хызаң. «Эк син, сууххан танағас! ... Пүүр, чылғылар тари ла ойласса, хорғыстығ поладыр, чылғылар ибіре турғла-быссалар, анда ол – хозан» (ХЧ, 107) – Второй парень. Когда я вижу их (баев), мои кулаки сжимаются. Я пошел, а вы как хотите, так ... (Собирается идти. Хызан его останавливает). Хызан. «Эх ты, промокшая курочка! ... Волк страшен только тогда, когда лошади рассыпаются, а если лошади станут кругом, тогда он – заяц».

Зооморфизмы асхырағым ‘мой маленький жеребец’, пуғачағым ‘мой бычок’ (в сочетании с аффиксом принадлежности 1-го лица) используются женщиной в качестве средства выразить нежность, восхищение мужчиной: Матильда. Асхырағым минің, сүскічі пуғачағым. (Пананы иркелетче.) (АТ40, 70) – Матильда. Мой жеребчик, бодливый бычок. (Ласкает Пану).

Слова хоосхачах ‘кошечка’, тұлғүчек ‘лисичка’, адресованные мужчинами-говорящими к девушкам, выражают их игривый настрой: Тапчы... Хыстар, хыстар, хызычактарым, тидір. Хылығы ирке хоосхачактарым, ікі-к! (ХЧ, 111) – Тапчы... Девушки, девушки, мои милые девушки, говорит. Мои ласковые кошечки. эх! Хорхло. Че, адыр, тұлғүчек!.. Паза мині микелен полбассың... (ХЧ, 154) – Хорхло. Ну, постой, лисичка!... Больше меня не сможешь обмануть.

Таким образом, в текстах на хакасском языке нами выявлены диминутивы-зооморфизмы, которые имеют следующие особенности: они используются для обозначения человека, реализуя метафору «животное → человек»; инвентарь образов ограничивается образами животных, с которыми был хорошо знаком носитель хакасского языка (собака, щенок, ягненок, бык, сова, жаворонок); подчеркиваются характерные особенности животных, по которым им уподобляется человек.

2.5. Выводы

Результаты исследования показали, что в диминутивных производных реализуются три функции словообразования: сообщения, экспрессивная и побудительная.

Диминутивы широко используются в хакасских текстах для передачи семантики разного рода, от уничижительности до умиления. Они употребляются в монологах и в диалогах, служа для выражения объективной величины (малого размера) и других значений. Для диминутивов в монологической речи более характерны функции сообщения и экспрессивная. В диалогической речи частотны примеры, в которой реализуется экспрессивная и побудительная функции.

Имеющийся материал позволил нам выделить и рассмотреть несколько групп сравнительных оборотов с диминутивами.

В хакасском языке частотны примеры, когда взрослый человек сравнивается с ребенком, используется при этом диминутивный показатель. Сравнимый уподобляется ребенку в отдельных чертах характера, поведения, социального статуса или по другим характеристикам личности. Подчеркиваются не характерные для взрослого члена социума несамостоятельность, беспомощность, наивность, игривость, несдержанность в эмоциональном проявлении чувств.

Люди могут сравниваться с одомашненными и дикими представителями животного мира (мелкими или незрелыми животными), а также с насекомыми. Особое место занимают сравнения с небольшими птицами (человек как птичка, гусенок, совенок, синичка, цыпленок, курочка, кукушонок).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе были рассмотрены диминутивы в хакасском языке в комплексном аспекте. Автор исходил из распространенного в современной лингвистике понимания диминутивности как составной части категории количества. Выявлены грамматические средства выражения значения уменьшительности (13 аффиксов). Продуктивными являются аффиксы $=\text{чax}$, $=\text{ax}$, $=\text{ac}$, при помощи которых строится большое количество производных единиц. Выбор того или иного аффикса для построения диминутива обуславливается контекстуально как морфологически, так и семантически.

Анализ диахронных явлений словообразования позволил выделить 4 группы единиц, построенных при помощи переносов: а) переосмысленные диминутивы, семантику этих слов можно описать как «похожий на исходный объект»; б) переосмысленные диминутивы, построенные на основе пространственной смежности; в) слова, образованные на основе функциональной схожести сравниваемых объектов; г) слова, построенные на основе передачи отношения «часть-целое».

Описано функционирование диминутивов в текстах на хакасском языке. Выяснено, что диминутивы широко используются в хакасских текстах для передачи семантики разного рода, от уничижительности до умиления.

Они употребляются в монологах и в диалогах, служа для выражения и объективной величины (малого размера), и для передачи экспрессии.

Частотны диминутивы в диалогах. Здесь они часто имеют побудительную функцию, связанную с иллокутивными намерениями говорящего: просьбы, приглашения, уговаривания. Категория диминутивности широко используется в диалогах говорящим как средство воздействия на поведение слушающего. Выделены группы речевых ситуаций, в которых функционируют диминутивы, со следующими условными названиями: «Детство», «Ухаживание», «Дружеское общение», «Конфликт», «Уговаривание», «Преуменьшение опасности», «Речь, обращенная к себе», «Животные».

Отдельная группа – это фразы с метафорическим использованием диминутивов. Рассмотрены примеры, образованные в результате метафорического переноса «ребенок → взрослый» и «небольшое, невзрослое животное → человек». Они используются для образной характеристики человека, выражая как мелиоративную, так и пейоративную оценку.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Аристотель. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1975.
- Арутюнова Н.Д. Метафора // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 2001. С. 296-297.
- Бабушкин Г.Ф. Шор тилининъ грамматиказы. 1-кы пӧлек. Фонетикаба морфология. Новосибирск, 1940.
- Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966.
- Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Тексты и переводы. М., 1972.
- Баскаков Н.А. О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Советская тюркология. 1986. № 2.
- Бётлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск, 1989.
- Богданов В.В. Лингвистическая прагматика и ее прикладные аспекты // Прикладные аспекты языкознания. СПб., 1996. С. 268-275.
- Богородицкий В.А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933.
- Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (Из университетских чтений). М., 1935.
- Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
- Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Л., 1987. С. 5-39.
- Буряковская А.А. Диминутивность в английской языковой картине мира. АКД. Воронеж, 2008.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947.

Винокур Т.Г. Диалогическая речь // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 2000. С. 135.

Винокур Т.Г. Монологическая речь // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 2000. С. 310.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 2007.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2006.

Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках // Советская тюркология. 1974. № 1. С. 3-12.

Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской духовной миссии. Казань, 1869.

Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик, 1976.

Грамматика киргизского языка. Фонетика, этимология и синтаксис. Издание Православного Миссионерского общества. Оренбург, 1897.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982.

Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная. Санкт-Петербург, при Императорской Академии наук. 1801.

Грамматика хакасского языка. М., 1975.

Гулямов А.Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. Аффиксация. Часть 1. АДД. Ташкент, 1955.

- Гухман М.М. Понятийные категории, языковые универсалии и типология // Вопросы языкознания. № 3. 1985. С. 3-13.
- Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.
- Дмитриев Н.К. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. С. 22-37.
- Дмитриева Л.В. Этюды по тюркскому словообразованию // Советская тюркология. 1977. № 1. С. 61-73.
- Долозова О.Н. Формальные и функционально-семантические особенности категории диминутивности (на материале ительменского языка). АКД. Санкт-Петербург, 2007.
- Дыйканов К. Имя существительное в киргизском языке. Фрунзе, 1955.
- Дыренкова Н.И. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940.
- Есипова А.В. Формы субъективной оценки // Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования. Новосибирск, 1998. С. 90-116.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Ефимов В.Н. Определение качества и количества как системы дефиниций. Ростов-на-Дону, 1984.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Икрамова Р. Модальные формы имен существительных в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1967.
- Исакова С.Ш. Средства выражения категории диминутивности в английском и русском языках (на материале английской и русской художественной прозы). АКД. Махачкала, 2006.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

- Исхакова Х.Ф. Сопоставительная грамматика татарских и русских собственных имен. М., 2000.
- Катанов Н.Ф. Татарский язык (сагайское наречие). Ч. 1. Грамматика (Этимология и синтаксис). Красноярск, 1882. 139 с. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Я.-4, Оп.-1, Д.-588.
- Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948.
- Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.
- Кононов А.Н. Умньшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков) // Вопросы тюркологии. Баку, 1971. С. 94-101.
- Маманова Г.И. Основные типы аффиксов субъективной оценки имен существительных в казахском языке // Советская тюркология. № 6. 1983.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
- Менькова Н.В. Гендерный аспект функционирования диминутивов // Вестник ИМО МГУ. 2012. № 2. Лингвистика. С. 26-31.
- Мехоношин С.А. Особенности вербального обращения к животным в народной русской речи // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Международная научная конференция (Казань, 11-13 дек. 2011 г.): Труды и материалы. Т. 2. Казань, 2011. С. 24-26.
- Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1945.
- Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Тр. Военного ин-та ин. яз. 1945. № 1.
- Мельчук И.А. К понятию словообразования // Русский язык в модели «Смысл <-> Текст». М.-Вена, 1995. С. 459-474.
- Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2002.
- Мурадов А. Выражение ласкательности и уменьшительности в именах туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1975.

Наделяев В.М., Кормушин И.В. Введение // Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969. С. VI-XVIII.

Науменко С.Г. Семантика зооморфных сравнений в английском и русском языках // *Res studiosa*. Вып. 2. Архангельск, 2007. С. 142-148.

Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М., 2004.

Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1983.

Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 11-81.

Покровская Л.А. Формообразование и его отношение к словообразованию и словоизменению в тюркских языках // Советская тюркология. 1990. № 1. С. 12-16.

Протасова Е.Ю. Роль диминутивов в детском дискурсе // Проблемы детской речи. СПб, 1999.

Резниченко Л.И. Диминутивность как этнопсихолингвистический феномен в русском плаче // Вестник Томского государственного университета. Вып. II (79), 2009. С. 203-208.

Рудник-Карват З. О функциях уменьшительных и увеличительных существительных в тексте // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М., 1998. С. 315-326.

Русакова М.В. Семантика, стилистика и прагматика русских диминутивов в атрибутивном словосочетании // Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. 21-28.09.2005. М., 2005. С. 288-290.

Русская грамматика. Том 1. М., 1980.

Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.

Спиридонова Н.Ф. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 58. 1999. № 2. С. 13-22.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.

Сунчугашев Р.Д. Топонимия Хакасии. Абакан, 2009.

Тараканова И.М. Диминутивы в хакасском языке // Подвижки сибирской филологии: В.А. Аврорин, Е.И. Убрятова, В.М. Наделяев. Новосибирск, 2007. С. 236-239.

Тараканова И.М. Диминутивы с переосмысленной семантикой в хакасском, якутском и турецком языках // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора А.И. Чудоякова. Новокузнецк, 2008. С. 142-144.

Тараканова И.М. Словообразовательные элементы со значением диминутивности в древнетюркском и хакасском языках // Материалы международной научно-практической конференции «Открытие и изучение орхоно-енисейской письменности. К 115-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности. 23-24.10.2008». Абакан, 2008. С. 84-89.

Тараканова И.М. Употребление диминутивов в диалогах // Ежегодник ИСАТ ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 2009. С. 27-29.

Тимонина С.П. Способы выражения значения уменьшительности в мрасском и кондомском диалектах шорского языка // Языки народов Сибири. Кемерово, 1980. С. 26-30.

Труфанова И. В. Образ слушающего в языке // Филологические науки. 1997. № 2. С. 98-104.

Убрятова Е.И. Краткий грамматический очерк якутского языка // Якутско-русский словарь. Под ред. П.А. Слепцова. М., 1972. С. 578-579.

- Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск, 2006.
- Уменьшительность // www.krugosvet.ru.
- Усманов С. Морфологические особенности слова в современном узбекском языке. АДД. Ташкент, 1964.
- Хабичев М.А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М., 1989.
- Цивьян Т.В. Категория диминутивности в структуре новогреческого этноязыкового пространства // Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2006. С. 218-233.
- Янко-Триницкая Н.А. Членимость слов типа *ручка, ножка* // Развитие современного русского языка-1972. М., 1975.
- Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. М., 1938.
- Gabain A. v. Alttuerkische Grammatik. Leipzig, 1950.
- Laalo K. Diminutives in finnish child-directed and child speech: morphopragmatic and morphophonemic aspects // Psychology of language and communication. 2001. Vol. 5. № 2. P. 70-80.
- Erdal M. Old Turkic word formation. A functional approach to the lexicon. Vol. 1. Wiesbaden, 1991.

СЛОВАРИ

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 2000.
2. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998.
4. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
5. Русско-алтайский словарь. Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1964.
6. Русско-тувинский словарь. М., 1953.
7. Русско-хакасский словарь. Сост. Д.И. Чанков. М., 1961.
8. Русско-якутский словарь. Под ред. П.С. Афанасьева, Л.Н. Харитонов. М., 1968.
9. Хакасско-русский словарь. Сост. Н.А. Баскаков, А.И. Инкижекова-Грекул. М., 1953.
10. Хакасско-русский словарь. Сост. Анжиганова О.П. и др. Новосибирск, 2006.
11. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
12. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Том 3. Новосибирск, 2004.
13. Якутско-русский словарь. Под ред. П.А. Слепцова. М., 1972.
14. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сокращения текстовых источников

- АТ23 Ах тасхыл. Альманах. Абакан, 1975.
АТ26 Ах тасхыл. Альманах. Абакан, 1978.
АТ27 Ах тасхыл. Альманах. Абакан, 1979.
АТ29 Ах тасхыл. Альманах. Абакан, 1981.
АТ31 Ах тасхыл. Альманах. Абакан, 1983.
АТ40 Ах тасхыл. Альманах. Абакан, 1992.
ХТ1 Хан Тигір. Литературный альманах на хакасском языке. № 1. Абакан, 1991.
ВШ Шулбаева В. Пьесалар. Абакан, 1985.
ВШ1 Шулбаева В. Сайалбаан сүрместер. Абакан, 1985.
КН Нербышев К. Көгім Хорымнарда. Абакан, 1986.
МТ Туран М. Чуртас чолларынча. Абакан, 1984.
МТ1 Туран М. Пай тирек. Абакан, 1981.
НД Доможаков Н. Ыраххы аалда. Абакан, 1987.
КН Нербышев К. Көгім Хорымнарда. Абакан, 1983.
НТ Тинников Н. Кавристің көглері. Абакан, 1977.
НТ1 Тинников Н. Тіріг кізі өлбечен.. Абакан, 1982.
ВТ Татарова В.К. Аат табызы. Абакан, 1991.
ХЧ Хызыл чазы. Чоохтар, стихтар, пьесалар. Абакан, 1982.

Другие сокращения

- БЭСЯ Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 2000.
ГСУЛЯ Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960.
ГСЯЛЯ Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1983.

- ГТЯ Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
- ГХЯ Грамматика хакасского языка. М., 1975.
- РЯЭ Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
- СИГТЯЛ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
- ФЭС Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- ХРС2Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006.

аз. азербайджанское
 алт. алтайское
 башк. башкирское
 башк.диал. башкирское диалектное
 дрт. древнетюркское
 каз. казахское
 кирг. киргизское
 кумык. кумыкское
 кыз. кызыльское, кызыльский диалект хакасского языка
 саг. сагайское, сагайский диалект хакасского языка
 тат. татарское
 тат.диал. татарское диалектное
 тув. тувинское
 тур. турецкое
 туркм. туркменское
 хак. хакасское
 шор. шорское, шорский диалект хакасского языка
 як. якутское
 разг. разговорное
 рел. религиозное
 шутол. шутовое

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Понятийно-терминологический аппарат исследования	5
1.1. Изучение диминутивов в тюркологии	6
1.2. Понятийная категория	12
1.3. Функционально-семантическое поле	14
1.4. Категория количества	15
1.5. Значение уменьшительности и средства его выражения: общая характеристика	18
1.5.1. Трансформации значения уменьшительности в тюркских языках.....	21
1.5.2. Сочетаемость диминутивных аффиксов с производящими основами.....	22
1.6. Диминутивы, построенные посредством переносов.....	26
1.7. Диминутивные аффиксы в хакасском языке...	32
1.8. Выводы	46
Глава 2. Использование диминутивов в речи.....	48
2.1. Диминутивы в речи.....	49
2.2. Употребление диминутивов в монологической речи	50
2.3. Употребление диминутивов в диалогической речи	58
2.3.1. «Детство».....	59
2.3.2. «Ухаживание»	65
2.3.3. «Дружеское общение»	68
2.3.4. «Конфликт»	70

2.3.5. «Уговаривание»	71
2.3.6. «Преуменьшение опасности»	76
2.3.7. «Речь, обращенная к себе».....	78
2.3.8. «Животные»	80
2.4. Переносное употребление диминутивов	82
2.4.1. Сравнения взрослого человека с невзрос- лым	84
2.4.2. Сравнения человека с небольшим жи- вотным	91
2.5. Выводы	101
Заключение	
Библиография	
Список сокращений	

